

A woman with long blonde hair in a thick braid, wearing a green velvet dress with gold trim, stands in a lush garden. She holds a heavy metal chain that loops around her waist and extends to the bottom right. In the background, a vibrant rainbow arches over a blue sky with soft clouds. The scene is framed by green foliage and white roses on the left, and pink roses at the bottom.

НАДЕЖДА
МАМАЕВА

ЧАРОДЕЙКА
НА ВСЮ ГОЛОВУ

Надежда Николаевна Мамаева

Чародейка на всю голову

Серия «Договориться с Хель»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69162826

Аннотация

Сумела обхитрить саму Смерть, а твоя душа вместо того, чтобы уйти за грань, сбежала в другой мир и угодила в иное тело. Думаешь, что получила второй шанс на жизнь? Костлявая явно так не считает: она жаждет тебя убить, чтобы свести в своей задушевной отчетности дебет с кредитом. И это – лишь начало крупных неприятностей.

Очнулась – добро пожаловать на допрос, где узнаешь, что за твоей головой ведет охоту Темный Властелин. А уж когда начнут выбивать свидетельские показания, о которых ты и понятия не имеешь, то поймешь – самое время бежать.

Ерунда, что при этом ты окажешься скованной одной цепью с заклятым врагом той, чье тело заняла. Тут главное – определиться: кто из вас двоих больше попал? Ты или ренегат, по воле судьбы теперь связанный со светлой чародейкой, у которой ну очень черное чувство юмора.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	44
Глава 3	78
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Надежда Мамаева

Чародейка на всю голову

Пролог

– Ну не зараза ли! – припечатала Хель и в раздражении бросила на стол планшет, который держала в руках.

– Это ты про Мора, что ли? – уточнила ее подруга Паника, мельком глянув на экран. С него счастливо скалился первый из всадников Апокалипсиса в компании Голода и Войны. Троица в хламидах, которые ради отпуска были не черного сукна, а фривольной пестрой расцветки, позировала с досками для серфинга на фоне пляжа и закатных волн.

– Угу. Про него, чумного паразита, – поддакнула Хель и добавила: – Я тоже в отпуск хочу... А начальство не пускает. Уже седьмое столетие как! А этому вот, – она ткнула костлявой фалангой в рабочий инвентарь, – можно по два раза в сотню лет на курорты гонять. Еще и чарографиями на всю некросеть хвастаться. У-у-у, убила бы!

– Так убей, – ничтоже сумняшеся предложила Паника, – чтоб не бесил. А всем скажешь, что он сам того... кончился. Ибо нечего ранимую девичью душу травить.

– Думаешь, я не пробовала? – опечалилась Хель. – Так он же бессмертный, гад.

Подруги вздохнули, каждая думая о своем великом, вечном и почти недостижимом. Смерть – об отдыхе, Паника – о тонкой талии и о том, можно ли считать, что ты не нарушила диеты, съев три куска торта, при условии, что хотела вообще-то сожрать все пять?

– А ты чем так проштрафилась, что начальство даже отгулы зажало? – поинтересовалась Паника, машинально подергав светлую прядь своей всклокоченной шевелюры и поглядывая то на вазочку с эклерчиками, то на кастрюльку с пельмешками. Ей ведь наверняка очень грустно стоять одной на плите.

Да, они с Хель встретились за рюмкой чая. Черного крепкого, свежесваренного, с нотками перечной мяты, цедры апельсина, ягод брусники и липовым цветом. И это был такой волшебный напиток, под который с чистой совестью можно было съесть не только пару эклеров, пяток бутербродов с сервелатом, но и тарелочку плова, холодец, запечённую курочку... А все потому, что чай превращал любую еду, которая шла с ним вприкуску, в легкую закуску.

– Если бы я сама была виновата... – Смерь погрустнела. – Пани, тут такое дело... У меня участок, который я курирую, – он словно решето, он как игра-недоделка с кучей дыр в программном коде. И каждый ушлый геймер, в смысле умерший, так и норовит через них пролезть, чтобы за грань не отправляться. А еще эти маги жизни, словно читеры, все норовят какое-нибудь заклинание или амулет с регенераци-

ей придумать. Или еще хуже – эликсир вечной жизни действием лет на пятьсот... А у меня после них недостатки в отчетном квартале! И меня за эти недоимки начальство очень «любит». Так сильно, что я не знаю, куда от этого большого и светлого чувства удрать. Так что отпуск мне светит только при условии образцовой отчетности... То есть – никогда.

Хотя в этот раз вроде бы все было точно по графику, без сбоев и... Это настораживало Хель еще сильнее, чем если бы произошло ЧП. К последним она уже привыкла и принимала как должное. А тут она даже боялась поверить в то, что баланс может сойтись и ей наконец-то дадут отпуск. А то вот так понадеешься – и в самый последний момент всплывет какая-нибудь душа-неучтенка, и все: накрылась мечта о морюшке и песочке могильной плитой. Опять. И будет обидно так, депрессивненько. Настолько, что очередное покушение на отдохнувшего красавчика Мора организуется само собой.

– А подделать баланс? – оживилась Паника.

– Пробовала уже! – фыркнула Смерть. – Так лишилась и своей косы, и лучшего поставщика душ в итоге. Такого хорошего наемного убийцу та подселенка мне нечаянно угробила... Так что нет! Зареклась я с фальсификацией. У меня все честь по чести... – И она жестом, полным гордости, указала Панике на свой планшет.

Тот, словно дождавшись своего звездного часа, мигнул. И поверх широкой и глумлив... искренней улыбки Мора высветилось сообщение:

«Применение эликсира жизни пятой категории опасности магом Алистаром Гобартом. Срочно забрать душу Тигиан Уикроу из сектора семь, пока маги жизни не вернули ее обратно в тело. Координаты...»

Паника печально вздохнула: ну начинается... а ведь так хорошо сидели!

– Полетишь забирать? – уточнила она у подруги.

– Полечу. Только не сломя косу, – призналась Хель. И, увидев озадаченное лицо подруги, пояснила: – Я намеренно этому старикашке, как чужая, эликсир подпортила. Так что не сработает он. Но душу забрать все равно надо.

«И, может, хотя бы в этом квартале у меня все сойдется», – подумала Хель, но вслух не сказала. Потому что даже Смерть боялась сглазить пугливую, редкую и быстроногую удачу-лань.

Глава 1

– Оля, милочка, будьте любезны открыть окно. Уж очень душно, – прозвучал раздраженный голос Аделаиды Львовны. – Батареи жарят неимоверно.

Меж тем в аудитории, мягко говоря, было прохладно. А если как есть – то дубак, какой обычно бывает в крепкие морозы в аудитории под самой крышей, где основной источник обогрева помещения – это дыхание. А центральное отопление на таких плюсовых температурах, чтобы только трубы ото льда не разорвало. То, что при этом людей могло разорвать от простуды, кашля и чихания, мало кого волновало.

Та самая Оля сидела как раз рядом с подоконником, куталась в пуховый палантин и выразительно шмыгала красным носом.

Я тоже оттягивала рукава теплого свитера так, чтобы прикрыть зябнувшие пальцы. Да и остальные аспиранты больше напоминали недавних выходцев из криокамеры, чем из раскаленной зноем Сахары. В общем, мы дружным коллективом могли бы без грима пройти кастинг на роль белых ходоков. Все, кроме Аделаиды Львовны, которая обмахивалась импровизированным веером из картонки. Ей одной было жарко.

Наташа робко глянула на Аделаиду Львовну, щеки и шея которой были гиперемированы настолько, что, если выключи-

читать свет, наверняка алели бы в скурых зимних сумерках. По вискам лектора катились крупные капли пота, тяжелое прерывистое дыхание без слов говорило: тетке и вправду душно.

Оля провернула ручку на пластиковом окне, и в аудиторию сразу же хлынул морозный воздух. Мы дружно застучали зубами в два раза активнее и веселее. А я, подумав, что в этот раз обязательно простужусь, который раз корила себя за свою слабую волю.

И плевать, что пять минут смеха над заведением заменяют премию, а скандал – и вовсе в зависимости от масштабов как перекраивает график смен, так и вовсе переносит отпуск с июля на месяц фигабрь. Стоило сказать твердое матерное «нет» начальству. Напомнить, что я уже не девочка. Да, плевать, что интернатуру я окончила меньше пяти лет назад, что руки пусть с тонкими пальцами, но уже твердые, поставленные, а память еще «свежая», как выразилась заведением, что я разведена, а значит, свободна – в общем, по всем статьям созрела для диссертации. Мне, детскому хирургу, хватало и плановых операций. И я бы сама прекрасно жила без звания кандидата медицинских наук.

А вот мое отделение, увы, без него обойтись не могло. Именно так мне заявило начальство, указав гордым перстом на двери аспирантуры. Дескать, нужны высококвалифицированные кадры, у нас по ним не достача. Хотя, как по мне, и в обычных избытка никак не было. Но заведением умела убеждать. Особенно обещаниями увеличения должностного

оклада за кандидатскую и удобным графиком смен, пока я ее пишу.

Как итог – я сдуру согласилась. И вот теперь мерзла на лекции Аделаиды Львовны. Правда, до этого обливалась потом, когда она в жару куталась в шаль, жалуясь, что холодина страшная и она мерзнет от сквозняков.

Причина таких «климатических качелей в отдельно взятом помещении» таилась в недрах лекторского тела и именовалась гормональной перестройкой женского организма. В принципе, процесс естественный, природой предусмотренный, но ныне от него страдала не только доктор медицинских наук, заслуженная... почетный... и далее по списку, но и мы, простые смертные аспиранты.

Когда лекция закончилась, а батареи из-за открытого окна слегка обледенели, я с радостью рванула из стен университета с мыслью быстренько заскочить в супермаркет, купить чего-нибудь жутко вкусного и дюже вредного, а затем – домой. В теплую ванну. А за ней – ужин, сериальчик и спать. Поскольку завтра – на смену.

Вот только заспешила, поскользнулась на тротуаре, перед самым светофором, и как итог – опоздала на маршрутку. Еще и ушиблась, испачкала пальто. Если бы не это все, добралась бы до магазина гораздо быстрее.

Но плевать. Главное, что на полке супермаркета меня ждали колбаска и свежий хлебушек. А в отделе готовой еды томилась свежая шаурма. Вот только в радужные мечты о сыт-

ном ужине вмешался случай.

– А-а-а! – разнесся женский крик на весь зал.

У молодой пары, которая шла под ручку недалеко впереди меня, до этого что-то шумно выясняя, случилась ссора, которая закончилась резкой болью будущей мамочки. Женщину скрутило так, что она упала, схватившись за живот.

Не думая больше ни о чем, я рванула к ней, на ходу набирая сто двенадцать. Судя по кровавому ореолу на юбке, речь могла идти о преждевременных экстренных родах.

Оттараторив в трубку адрес, упала на колени рядом с девушкой, начав осмотр. У беременной губы посинели, зрачки расширились от боли, свидетельствуя о геморрагическом шоке.

– Какой срок?!

Но женщина не слышала. Зато ее спутник, вместо того чтобы дать внятный ответ, прорычал:

– Ты чего к ней лезешь? – И попытался отдернуть меня за плечо.

Только тут я внимательнее посмотрела на типа. Его налитые кровью глаза с отчетливой сеткой капилляров, осоловелый взгляд, который он пытался сфокусировать на мне, лучше всяких слов говорили: мужик не в себе. Причем был еще до того, как беременная упала на пол.

– Я врач, отойдите.

Вокруг начали останавливаться люди. Кто-то стал снимать, кто-то, как и я, вызывать скорую.

Но я увидела это лишь мельком. Время словно начало убыстряться, и все происходило стремительно. Вот я пытаюсь помочь беременной. Она кричит, корчась от спазмов. Над ухом раздается рык папаши о том, что я обязана спасти его жену и ребенка или он меня «уроет». Шум толпы. Беременная на моих руках теряет сознание и...

– Ты! Су... Ты обязана ее спасти! – Сильные руки схватили меня, швырнув в витрину.

Стекло за долю секунды раскрылось лепестками трещин. И я упала на острые грани.

Вскочила, даже не поняв, как мне удалось это сделать так легко, практически не отталкиваясь. И боли не было. Вот только никто не смотрел на меня. Люди, стоявшие с телефонами на изготовку, снимали что-то за моей спиной, на полу.

Я обернулась и увидела себя... мертвой.

– Отойдите!

– Дайте пройти!

Требовательные голоса бригады медиков волнорезом рассекли людское море.

– У-у-у прискакали, сволочи! – раздался рев окончательно слетевшего с катушек папаши, ринувшегося уже и на медбрата.

Но приехавший на скорой оказался не чета хрупкой мне. И ответил на летевший в его лицо кулак не по-врачебному, а исключительно по-мужски – хуком. Уже через несколько секунд невменяемого типа скрутили. А над моим телом и

беременной зависли люди в белых халатах.

– Без сознания. Пульс есть, на свет реагирует. На носилки, – вынес вердикт тот, что осмотрел роженицу.

– Пульса нет. Дыхание отсутствует, – это уже отчитался тот, кто склонился над той, кто еще пару минут назад была Викторией Тумановой. Жившей, куда-то спешившей, что-то хотевшей.

Меня пытались спасти. Запустить сердце непрямым массажем. Накачать легкие кислородом, но... Я, зависшая в воздухе, откуда-то знала, что бесполезно. А еще появилась уверенность: сейчас появится та самая – в черном балахоне, с косой – и заберет мою душу.

– Так-с. Точно по расписанию. Лада Кокорина. – Смерть сверилась с планшетом, деловито перекинув косу на сгиб локтя, и заозиралась с видом владыки, обзоревавшего свои владения.

– Ну, взяли! – Медбратья слаженно подняли носилки с беременной, которой успели уже влить полиоксидин и сейчас поставили реополиглюкин. Она уже начала приходить в себя, но еще дышала кислородом.

Ребята со скорой ничтоже сумняшеся прошли со своей ношей сквозь Смерть тараном. И тут чернобалахонница обратила на них внимание. Точнее – на девушку без сознания.

– Не поняла... – озадаченно протянула костлявая. – Она же помереть должна была. Почему эти паразиты раньше на четверть часа приехали?!

А я тем временем остороженько-аккуратненько отступала в толпу зевак. Говорят, что от Смерти не спрятаться и не спастись. Но я, как врач, на практике множество раз убеждалась в обратном. Можно, еще как можно спастись. Особенно если вовремя поставить диагноз. Так что почему бы и не рискнуть опровергнуть первый постулат и не попробовать схорониться так, чтобы костлявая меня не нашла?

Чернорбалахонница как раз повернулась спиной, заинтересовавшись моим телом. И я уже решила, что это самый подходящий момент дать деру, как увидела ниточку, приставшую к черному балахону. Но что самое необычное, белая скрутка не обрывалась, а тянулась прямо из воронки, откуда и пришла Смерть.

Не успела я удивиться такому «страховочному тросу», как нить внезапно ожила, стекла с балахона и юркой змейкой устремилась ко мне.

Подползла и качнула концом, долженствующим изображать ромбовидную голову полоза. Выразительно так качнула в духе «пойдем со мной».

– Ты знаешь, где можно укрыться? – в отчаянии спросила я. Хотя понимала, что общаться с нитью вроде бы нелогично и отдает шизофренией. Хотя умирать, а после скоропостижной кончины еще и прятаться от собственной Смерти – еще более нелогично. Но я вот умудрилась! Так почему бы не поискать помощи у вот такой вот змейки-нити.

Меж тем скрутка покивала своим чуть растрепанным кон-

чиком. Я наклонилась, чтобы задать самый животрепещущий вопрос: «Где?» – понятия не имея, как на него ответит безмолвная ниточка. Но не успела. Мою руку обвил тонкий лучик света. И потянул меня к воронке. Причем через толпу, так, чтобы причитавшая Смерть нас не увидела. Уже стоя у воронки провала, я услышала:

– Должна была умереть другая, беременяшка. А вместо нее... Ну-у-у, зараза! Еще и шустрая какая. Ну ничего, Уикроу поймала, и эту сцапаю! Главное, ее сейчас найти, пока призраком не стала. Последний же день квартала. И так подгадить отчетности! – Она выдохнула и медленно начала оборачиваться ко мне со словами: – Я не позволю какой-то пигалице лишить меня отпуска!

Ее скрипучий голос подстегнул меня. Я стремилась по путеводной нити прочь от той, с кем я вела извечный бой на операционном столе. Шаг, другой... и меня с неумолимой скоростью начало затягивать в воронку, скручивая в спираль, размазывая по кругу и вновь собирая в единый плотный сгусток. Притяжение становилось все сильнее, свет – неумолимее, а затем... резкая боль, буквально выгнувшая тело дугой. Тело?

Раскаленный, как лава, воздух медленно потек в легкие, казалось, обжигая грудь изнутри. Каждую мышцу скручивало, суставы выворачивало. Но... я была этому рада. Потому что если я чувствовала, значит, я была жива. Может, сейчас я лежу в операционной, и все эти нити и метель мне приви-

делись?

Как сквозь пелену я слышала:

– Крауф, эликсир не справился, но амулет путеводной звезды помог. Магия ее тела призвала душу обратно.

«Какая, к гангрене, магия?» – была последняя мысль перед тем, как я окончательно потеряла сознание.

Из черного провала беспамятства я вынырнула в сумерках. Закатных ли, рассветных – не понять. За окном стелилась сизая дымка, укутывая туманом летний луг, который виднелся из-за неплотно зашторенного окна.

Голова болела, будто волосы на затылке были стянуты в тугой узел.

Но неприятные ощущения в шее и картина пасторали, которой неоткуда взяться среди зимних городских высоток, не столь удивила, сколь гостя, явившаяся к моей кровати. У изножья стояла Смерть с косой.

– Удрала-таки, значит, паршивка, – глянув на меня провалами глаз, цыкнула чернобалахонница.

Я бы с радостью пожала плечами и развела руками: дескать, оно как-то само получилось, но мешала слабость. Поэтому я ограничилась хриплым:

– Я нечаянно.

– Нечаянно?! – взвилась Смерть. – Нечаянно можно начать искать что-то и сделать генеральную уборку. Случайно официант может лапшу на уши развесить, опрокинув на голову посетителя тарелку со спагетти. Любовь, в конце кон-

цов, может упрс – и нагряться, сожрать все и сказать «прости». Но от меня нечаянно еще никто не уходил! Только нарочно, зигзагами, постоянно оглядываясь и отстреливаясь. И то почти всегда недалеко и ненадолго.

Я так поняла, мне сейчас не завуалированно предложили сдохнуть. Так сказать, по доброй воле, не нервирова и не задерживая серьезных нелюдей.

Смерть явно злилась, все резче крутя в костлявых пальцах обрывок ниточки. Той самой, которая и утянула меня сюда.

– Артефакторы!.. – а дальше только матом. Зато весьма информативным.

Как оказалось, из тела, в которое я угодила, Смерть забрала душу буквально перед тем, как оправиться за мной. Вернее, должна-то была она взять беременную, но случилась я...

Совсем нечаянно случилась, подумалось мне вдруг. Из-за такой мелочи, как каблук, поехавший по раскатанному подошвами льду перед светофором. Не поскользнулся я, успею на ту маршрутку, и мы бы с беременной разминулись. На пятнадцать минут. Я бы уже вышла из магазина, счастливо неся пакет с продуктами домой, когда ее скрутило.

Смерть же, строго блюдушая свою отчетность, получила разнарядку на Тигиан Уикроу. И, как полагается, прибыла на место, забрала отлетевшую от тела девицы душу, поставила ее на загробный баланс и спокойно пошла на следующий заказ, наплевав на мага, пытавшегося откачать покойницу. Костлявая была уверена, что у него ничего не получится.

Потому как тот вливал в рот Уикроу эликсир жизни, который Смерть успела заблаговременно подпортить. Вот только чернобалахонница не учла, что у чародея еще имелся и амулет. И его-то свет, скрутившийся в нить, и пристал к ее балахону. Видимо, он пытался последовать за ушедшей за грань душой. Но она отправилась в посмертие добровольно, и энергии, чтобы вернуть ее, у амулета не хватило.

Зато меня, категорически не желавшую уходить на тот свет, нить почуяла. А поскольку в мире магии настройки аутентификации не предусмотрены, заклинание утянуло ту свободную душу, чей энергетический порог возврата был ниже. Если проще: сперло то, что к полу не приколочено.

И когда у чернобалахонницы исчезла галочка о смерти напротив имени Уикроу, костлявая прилетела глянуть на покойницу... А тут я, в смысле она. Живая! Ну Смерть и сложила два плюс два, догадавшись, куда девалась душа Вики Тумановой.

– Ну что, сама быстренько из тела выйдешь или помочь? – выговорившись, чуть спокойнее спросила Смерть.

И зловеще прищелкнула костлявыми фалангами. Очень выразительно так, я бы сказала – напказ. Мол, трепещи, несчастная девица! Еще и косу перекинула в другую руку так, что та эффектно блеснула острием. Словно гостя рассчитывала: я испугаюсь. Желательно – до инфаркта. Ну или хотя бы инсульта.

Но, увы для чернобалахонницы, я слишком часто сталки-

валась с ней по роду профессии. Потому боялась ее, скажем так, чуточку меньше положенного обывателю.

– И не подумаю умирать самостоятельно, – возразила, ничтоже сумняшеся. – Я, знаете ли, уже была на том свете. И мне там не понравилось. Поэтому я лучше тут останусь. Этот мир слишком хорош, чтобы с ним так быстро прощаться.

– Ну, зараза! – протянула Смерть тоном «этот мир сделает еще лучше и краше твое отсутствие в нем». – Помирай давай быстро! Кому сказала! Не порть мне задушевную отчетность!

Усовестились ли я? Угу. Три раза. И еще один прониклась. Довеском. Помогать чернобалахоннице в ее миссии моего упокоения не собиралась. Разве что дать совет в духе: если я не оправдала ее ожиданий, то пусть ожидает дальше. Желательно лет так восемьдесят, не меньше.

Правда, озвучивать эту мысль я Смерти не собиралась. Ибо вдруг она все же психанёт и порешит меня своей газнокосилкой на минималках, косовищем которой так выразительно сверкает тут. Впрочем, чем дальше продолжался наш разговор, тем больше у меня было сомнений: не все так просто, как утверждает чернобалахонница. Если бы Смерть могла взять и вытрясти из тела душу, то навряд ли бы она церемонилась и страшила меня. Схватила бы и поволокла без разговоров. А если только запугивает, значит, есть какие-то правила, которые она нарушить не может. Жаль только, что я о них не знаю.

Мы встретились взглядами. И в абсолютной, оглушающей тишине мне показалось, что я слышу биение собственного сердца. Быстрые четкие удары, которые все ускорялись. Потому что тьма провалов глазниц Смерти затягивала. Так манит бездна, когда стоишь у самого ее края. Одно неверное движение – и сорвешься, полетишь вниз.

Я сжала кулаки. До кровавых следов на ладонях. Я удержусь. Я смогу. Не упаду. Повторяла про себя как заклинание, как мантру. И... Стоявшая рядом Смерть качнулась. Схватила за сердце, или что у нее вместо главной человеческой мышцы в груди?

– Ох, плохо мне, – выдохнула она, хватаясь за витой столбик кровати.

Ну точно старушка, которой вдруг поплохело от расстройства. И я... забыв обо всем, по привычке, которая забралась ко мне под кожу глубже иного врожденного инстинкта, дернулась, пытаюсь встать. Ринуться на помощь больному. Потому что я врач. И мой долг – спасти жизни. Правда, я не сразу осознала, кому поспешила на выручку. Угу, спасти Смерть от нее же самой.

Вот только откинуло меня обратно на подушки не осознание происходящего. Все оказалось куда банальнее: тело было слишком слабым. И подчистую проиграло силе тяготения.

– Значит, срослась уже душа с телом, – проскрежетала зубами Смерть, едва моя голова опустилась на наволочку. К слову, у чернобалахонницы вмиг прошли все недуги, она

резво распрямилась, клацнув челюстью, и выдала: – Вот гадство!

– Это была попытка выманить меня из тела? – догадалась я, поймав себя на мысли: вот почему рассуждаю как адекватная умная женщина (особенно постфактум), а поступаю почему-то по-другому?

– Ага, – ничуть не усовестилась Смерть. – Вы, лекари, часто на нее попадаетесь: светите другим и сгораете сами. Если бы душа еще не закрепилась, был бы шанс, что, рвани ты ко мне, тело крауфини Тигиан Уикроу осталось бы лежать, а ты, эфемерная, вылетела бы.

«А я бы тебя и сцапала», – Смерть не договорила, но я прекрасно домыслила фразу.

Гостя пригорюнилась.

– Эх, плакал теперь мой отпуск...

– Какой? – невольно вырвалось у меня.

Гостя и рассказала. Причем жалостливо так. Я даже прониклась. Но не настолько, чтобы на предложение Смерти зарезаться или выпрыгнуть из окна ответить согласием. Хотя собеседница и заверяла: и ножечек самый острый подаст, и створочку приоткроет, только давай, суицидись в свое полное удовольствие.

– Все равно не умру – это мой план на ближайшие лет пять точно, – возразила я.

– А может, ударными темпами и эту пятилетку за четыре... часика? А? – с надеждой спросила Смерть, лихо отре-

райтив лозунг на посрамление всем стахановцам.

Вместо ответа я лишь помотала головой.

– М-да, с отзывчивостью у тебя не очень, – заявила Смерть. – Но ничего... Скоро сама поймешь, что смерть для тебя лучший выход!

– Это еще почему? – насторожилась я.

– А ты думаешь, эта Уикроу помереть решила, напившись уксусу от несчастной любви? Пф! Она свидетельницей по делу государственной важности проходила. И должна была показания давать. Вот на нее и поступил заказ наемникам. И, надеюсь, из гильдии убийц за тобой вскоре пришлют кого-то еще. – Смерть мечтательно улыбнулась. – Ну или сумеречники сами тебя пришибут, когда поймут, что ты теперь ничего не знаешь. А значит, для обвинения бесполезна, а отпускать тебя просто так нельзя.

«Почему нельзя?» – спросить не успела. Скрипнула входная дверь.

На пороге появился мужчина в камзоле практичного коричневого цвета. Седая короткая борода, острый цепкий взгляд и сетка морщин вокруг глаз – обычное человеческое лицо, которое я могла бы увидеть в метро или магазине. И в то же время на незнакомце была одежда, которая была в моде несколько столетий назад. Причем настоящая, а не бу-тафорская, с приклеенной китайской полупластиковой вышивкой. Та хорошо смотрится лишь в кадре или издалека, а вживую, особенно вблизи, – сразу понятно, что подделка.

В этом я убедилась как-то лично в Анапе, согласившись на пару снимков в «платье настоящей императрицы».

И вот этот контраст обычного, ничем не примечательного лица случайного прохожего и исторической одежды стал спусковым крючком: осознание, что я в другом мире, другом теле, рухнуло на меня могильной плитой. Пока я вела беседу со Смертью, мне все казалось чуточку нереальным. И вот сейчас действительность явилась на порог ко мне сама, заявив чуть надтреснутым голосом:

– Моя госпожа, с вами желают побеседовать сумеречные гончие. Я, как ваш лекарь, взял на себя смелость предупредить их, что сначала осматрю вас, чтобы убедиться, готовы ли вы к беседе, – пришедший произнес последние слова особым тоном, в котором сквозил тонкий намек: скажетесь больной – и я приложу все силы, чтобы убедить визитеров, что вы пока не в состоянии говорить.

Вот только экивок, затаившийся меж пауз, услышала не только я.

– Да-да, – хмыкнула Смерть, явно развлекаясь. – Поступи как деликатный человек, взявший в долг: избегай встречи с кредитором, чтоб его не огорчать отказом в возврате.

Вот только лекарь, едва костлявая хохотнула, вскинулся и заозирался.

– Вы что-нибудь слышали? – спросил он меня.

Я уже было ляпнула, что не только слышала, но и могу пальцем ткнуть в ту, которая тут глумится за мой счет, но в

последний миг осеклась.

Если лекарь не видит чернобалахонницы, выходит, и я не должна.

– Нет. – Я постаралась изобразить удивление, про себя отметив: значит, костлявая тут, как и в моем мире, принадлежит к касте тех, кто всё видит, но в суд свидетельницей не пойдет. Ибо для нормальных и живых людей ее как бы нет. Почти нет.

– Значит, показалось, – вздохнул лекарь. Его напряженные плечи даже чуть расслабились. А вот Смерть недовольно скривилась.

– Показалось ему, паразиту такому. Вот погоди, приду я за тобой через двадцать три года и девять месяцев. У меня по твою душу повесточка заготовленная, своего часу ждет. Тогда и увидишь, гад! Столько душ у меня увел, целитель! – И она в сердцах сплюнула.

Лекарь же опять насторожился.

– То-то же, – удовлетворенно заключила Смерть и добавила: – Ну, я полетела. У меня еще дела. А ты давай помирай поскорее. Если что, можешь меня в этом деле на подмогу позвать. Всегда подсоблю. Только шепни: «Хель, я согласна». И я тут же примчусь. И даже сверхурочные требовать не буду.

Я чуть было не ответила, что если захочу себе жизнь испортить, то помощи не потребуется. Отлично справлюсь сама. Но не стала. Иначе пришлось бы объяснять лекарю, что я имела в виду. Потому лишь усмехнулась уголком губ. Хель

на это лишь фыркнула и оседлала косу на манер байка. Хлопнули оконные створки, длинные тяжелые шторы взвились парусом, и Смерть вылетела из комнаты. А лекарь себе под нос пробормотал:

– Все же она здесь была...

– Кто? – Я решила отыграть роль до конца.

– Неважно. – Он махнул рукой и, закрыв окно, приступил к осмотру. Некоторые его манипуляции были мне понятны: реакция зрачка на свет, подсчет пульса. А вот пассы в духе заговора «уйди, жир, с пуза в чужие рейтузы» – не совсем.

– Телесно вы здоровы, госпожа, – поведал лекарь. – Но если чувствуете недомогание...

– Я побеседую с... – я замялась на долю секунды, вспоминая, как назвал целитель тех, кто жаждал со мной аудиенции, – ...сумеречными гончими.

Согласилась я по одной простой причине: если что-то пойдет не так, я всегда могу использовать самый удобный женский предлог для того, чтобы прервать разговор, – обморок. Причем онный будет в моем случае со всеми удобствами: даже падать никуда не надо, только безвольно откинуться на подушки. О симптомах же, предшествующих потере сознания, как то звон в ушах, головокружение, учащенное дыхание, я знала прекрасно. Так что двадцать секунд бессознательного состояния и слабость после изобразить смогу. Зато у меня будет чуть больше информации.

Все это пронеслось в моей голове стремительно. Но не

успела я дать ответ, как дверь в мою комнату снова открылась – ну не спальня девушки при смерти, а проходной двор какой-то! – и новый гость отчеканил:

– Это хорошо, что вы согласились, потому что беседовать все равно бы пришлось. – И, игнорируя возмущенный взгляд лекаря, видимо потерявшего дар речи от наглости визитера, мужчина представился: – Офицер Эрвин Торон.

Заявившийся ко мне гончий был то ли темнобровым блондином от природы, то ли его брюнетистую масть сменила ранняя сплошная седина, выбелив волосы, но не тронув разлет бровей, – так сразу и не скажешь. Хотя на вид этому Эрвину я бы дала около тридцати – рановато становиться белым как лунь. Но кто этих местных разберет? То ли стрессы – спонсоры его снежной макушки, то ли гены.

Хотя вот за чуть раскосые, как у кота, глаза с зеленоватым оттенком больной персидской бирюзы, прямой нос, волевой подбородок, да и лицо в целом, в котором не было ни капли приторной глянцевої красоты, ответ держали исключительно хромосомы.

Стервец офицер был весьма притягателен, явно это знал и наверняка умело использовал. Но явно не сегодня. Потому как впился в меня острым взглядом. Я бы даже сказала – препарирующим. Но и я тоже умела держать скальпель. Поэтому лишь стиснула зубы. Мне предстоял бой.

И неважно, что из оружия лишь слова. Нанести травму средней степени тяжести можно и тупым вопросом. И не

только психике. Главное, получше рассчитать удар и верно зарядить картечь из пауз-запятых.

– Магистр Гобарт, – меж тем холодно произнёс серебристый – так я мысленно окрестила светловолосого офицера. – Прошу оставить нас. Мне нужно допросить крауфиню Уикроу.

Причем тон гончего был таким, что речи о просьбе и не шло. Это был однозначный приказ: «Вон!» – лишь обличенный в вежливые формулировки.

Я, откинувшись на подушки, всем своим видом говорила: «Давайте скорее спрашивайте, что вам нужно, и уходите, у меня скоро по графику сердечный приступ». Мои ресницы были полуопущены, грудь часто и рвано поднималась, отчего легкие из-за поверхностного дыхания не успевали насытить кровь кислородом и лицо, как я надеялась, стало бледным. И пока внешне я изображала без пяти минут клиента патологоанатома, про себя лихорадочно оценивала и ситуацию в целом, и поведение лекаря с офицером в частности.

Выводы напрашивались неутешительные: хотя целитель и был предан своей госпоже, в теле которой я оказалась, но сила и право были на стороне серебристого. И, полагаю, откажись я от допроса под предлогом болезни, магу было бы нелегко доказать, что разговор не сможет состояться по причине моего слабого здоровья.

– Мой долг напомнить вам, – старик попытался вклинить-ся меж мной и серебристым, – что моя госпожа еще очень

слаба и разговор может пагубно сказаться на ее здоров...

– А попытка уйти от него может и вовсе стоить ей жизни, – перебил Эрвин. – Вам, магистр, должно быть известно, что по пустякам я не стал бы беспокоить дочь советника императора.

«Куда я влипла?! – подумалось невольно. – И ху из кто на самом деле этот сумеречный, что может себе позволить так бесцеремонно вломиться в спальню полуживой девушки, чей отец явно не последний человек здесь?»

– Да, я знаю. Ваша слава, господин Торон идет впереди вас. Поэтому и напоминаю: если что-то случится с госпожой, ее отец не оставит этого. – И старик упрямо вздернул подбородок.

Я не могла не замечать целителя, который сейчас, в этой комнате, бросил прямой вызов серебристому, посмеив угрожать.

– Учту, – сквозь сжатые зубы процедил Эрвин и кивнул, указывая на дверь. – А сейчас – прошу.

Лекарь вынужден был удалиться. И мы остались одни. Стоявший передо мной, судя по всему, олицетворял закон в целом и мои неприятности – в частности.

– Итак, начнем...

С этими словами он поставил на тумбочку, что располагалась рядом с моей кроватью, кристалл. Тот мгновенно наполнился неярким светом, блики которого бабочками запорхали по стенам, на посрамление тусклым сумеркам за окном

и паре магических же шаров-ночников, которые я заметила только сейчас.

И я, глядя на радужные переливы артефакта, невольно подумала, что мне, получившей второй шанс на жизнь в эти темные времена, главное сейчас – не засветиться.

Гончий меж тем прищелкнул пальцами. Тут же вокруг нас засияла прозрачная полусфера.

– Ну все, теперь полог тишины поставлен, так что вы, крауфиня Уикроу, можете не опасаться лишних ушей. Наш разговор будет записан на кристалл. – Его голос был столь же теплым и радушным, как космический вакуум. – Ответьте на вопросы: как и при каких обстоятельствах вы оказались свидетельницей разговора Дьярвира Йорана, властелина восточных мертвых земель империи, с послом из Калле и о чем они говорили?

Ох! До этого момента я считала, что, вообще-то, нельзя же вот так с места, с сеновала – и сразу вляпаться в... историю. Причем, судя по «послом», «властелин» и «договорился», дело пахнет государственной изменой.

– А вы всегда настолько прямы в общении с девушками? – Я решила, что если быть умной и осведомленной не могу по техническим причинам, то почему бы не побыть озабоченной? А уж собственным здоровьем или желанием высколотить замуж – не суть важно! И плевать, что до чемпионки по флирту, способной обои взглядом поклеить, мне было далеко. Но я постаралась, чтобы вопрос был понят однозначно:

мои намерения прекрасны, я счастья женского хочу. А до ваших расследований дела нет.

– Если речь идет о деле, то да, – сухо ответил серебристый.

Увы. Мне попался прямо непробиваемый какой-то тип. Хотя... я же не вижу себя со стороны. Вдруг Уикроу страшненькая, с бородавкой на носу, тремя подбородками и пятью детьми и мужем! Впрочем, запястье, которое ныне принадлежало мне, было вполне себе изящным, с вязью какой-то татуировки. Так что навряд ли я сейчас в сверхтяжелой категории борца сумо. Но все остальное исключать нельзя.

– Значит, вам нужны от меня только ответы... – Я постаралась выглядеть глубоко печальной, а потом, словно изобразив озарение тревожной мыслью, патетично воскликнула: – А ведь они могут стоять мне жизни! Почти стоили!

Я решила, что вот он, звездный час для того, чтобы лишиться чувств, но... у гончего оказался весьма действенный и оригинальный способ приводить дам в чувство. Какие там нашатырь и стакан воды! Шантаж! Вот лучший способ удерживать женское внимание! А главное – как бодрит и приводит в тонус.

– Дьярвир сегодня бежал из арестантской. Вы – главная свидетельница обвинения. Вас ведь уже пытались убить... – он говорил вкрадчиво, мягко, даже слегка обаятельно, что разнилось со смыслом слов. Но именно от такого обращения, а не от холодно-повелительного тона у меня пробежали по спине мурашки. Потому что появилась полная, абсолют-

ная, безоговорочная уверенность: мне большая надгробная крышка.

Я ничего не знала о разговоре этого Дьярвира с каким-то послем. Но из меня сейчас медленно и верно будут выбивать эти сведения. Потому как дела о госизмене – это не фунт изюма. И гончому нужен результат.

На миг захотелось признаться, что я подселенка и ни в зуб ногой, но... когда прикинула, как я осчастливливаю мужика фразой: знаете, я тут из другого мира и слегка не в курсе событий... меня как пить дать вышвырнут из этого тела на радость Хель и попытаются вернуть ту, которая даст показания.

Врать был тоже не вариант. Ибо когда лжешь, нужно знать хотя бы что-то о предмете. А я единственное, что поняла, что этот Дьярвир – мужик. И темный властелин. Где он успел навластелинить и как – я даже не взялась бы предположить.

Потому решила действовать по плану и со словами «мне плохо» осела на подушки. Вот только этот белобрысый гад повел себя в худших лекарственных традициях. Вместо того чтобы позвать на помощь, дескать, деве дурно, он наклонился надо мной и приложил палец к яремной вене, проверяя пульс.

– Не подозревал, что вы отличная лицедейка, госпожа Уикроу, – прозвучал шепот у меня рядом с ухом.

Гад! Я стиснула зубы. Не буду поддаваться на провокации! И медленно, словно приходя в сознание, начала открывать

глаза... и тут увидела щель меж дверью и косяком. А в ней – три озабоченных лица.

Прикинула, что, благодаря высокому изножью, навряд ли подглядывающим будет виден мой маневр, и... резко распахнула глаза, впилась руками в шею склонившегося гончего, что есть сил дернув его на себя.

Мужик, не ожидавший такого коварства, пошатнулся и упал на меня, и я тут же для надежности обвила его тело ногами, чтобы не ушел! Орать «насилуют» не стала: зачем силы тратить еще и на озвучку представления, если для зрителей стоит полог тишины?

Гончий, который не ожидал от меня такого, совращаться ни в какую не желал. И он отпихнул бы меня, но тут дверь распахнулась. И слава богу! Еще бы пару секунд я не продержалась. Гончий тут же отпрянул от меня. Полог тишины исчез, и, едва он лопнул, я, пока никто не успел опередить, что есть сил заорала:

– Не смейте меня насиловать!

Миг тишины осознания, в котором еще звучали отголоски моего обвинения... и та самая реакция, которой я ожидала.

– Как посмел!

– Что?!

– Демонов выгрызок!

Вломившиеся в спальню были единодушны.

– Что вы несете? – вскинулся гончий, глядя исключительно на меня.

– Правду! – Я гордо вскинула голову, как всякий человек, несущий полную пургу. И, обличительно нацелив указательный палец на гончего, припечатала: – Еще поклянитесь, что вы на мне не лежали только что и активно не дрыгали... чреслами! – припомнила в последний момент обтекаемое слово, соответствующее девичьему, а не медицинскому кругу-зору. И ведь я не солгала! Просто слегка интерпретировала действительность.

Наши с Эрвином взгляды сцепились. И было в них столько всего... непечатного. Однако я добилась главного: о допросе теперь не было и речи. Все словеса лишь о моей поруганной девичьей чести...

Все же расчёт оказался верным и допрос закончился, не успев начаться. А я только сейчас осознала: зрители могли ведь и не вмешаться. Если бы среди них один не был так предан своей госпоже – вполне.

– Вот уж не думал, что вы променяете свадебный браслет принца на сомнительное счастье быть главным объектом сплетен... – так, чтобы услышала одна лишь я, прошептал Эрвин и, подняв манжету, показал браслет со словами: – Ведь взять вас в жены я не могу, поскольку у меня уже есть законная супруга. Разве что любовницей.

Я даже различила в его голосе характерное сожаление. Оно звучало в духе «печально, не успел тебя придушить».

Но я не обратила на это особого внимания. Я была в шоке. Потому как до этого думала, что сильнее вляпаться нельзя.

Оказалось, можно: невеста высочества... И, кажется, только что ставшая бывшей. Папочка Уикроу наверняка будет в восторге от сорвавшейся из-за скандала свадьбы...

Но все же позор для меня был предпочтительнее. Его веселой шумихой можно прикрыться. Жаль, что у местных тут нервы, судя по всему, крепкие, а то бы еще истерику с дракой... Потому как пока все заняты обсуждением пикантной ситуации в целом, то не вглядываются в детали. Например, могут не заметить странности поведения одной девицы. И, надеюсь, не сразу в немошной госпоже распознают подмену. Правда, сколько это неведение продлится: сутки, неделю, месяц? Надеяться на удачу не стоило.

Тихий обморок, повторенный на бис уже при более благодарных зрителях, прошел куда лучше. Во всяком случае, зрачок на реакцию света уже никто не пытался проверить. Лекарь захлопотал, причитая, что-де госпоже плохо и лучшее, что можно сделать, – это покинуть спальню. Даже весьма быстро прибывшего на скандал крауфа Уикроу умудрился выпроводить. Поэтому о том, кто, как и с кого будет требовать сатисфакции, я могла лишь догадываться. Надеюсь, все же отец Тигиан с гончего, а не наоборот. А то, чую, с офицера станется обвинить меня в домогательствах. Конечно, не факт, что ему поверят, но...

Я лежала в постели, изображая умирающую. Не особо сильно, к слову, и старалась притворяться-то: сердце и так было готово остановиться от страха.

Все, что я знала об этом мире, об этом теле и о ситуации, в которую угодила, можно было охарактеризовать одним емким: «Вика, ты в опасности, ёпрст!» А с учетом того, что за Тиг охотится сбежавший из тюрьмы преступник, который наверняка придет сюда, моя новая жизнь может закончиться, так и не начавшись.

Я выдохнула. Так, Вика. Наломала дров, устроила зажигательную вечеринку для всех, пора, как хорошему организатору, и честь знать.

С такими мыслями я резво попыталась вскочить с кровати.

– Да твою ж...! – простонала я, ударившись грудью об пол.

Это было первым цензурным, что пришло мне на ум. Остальное все можно было использовать для оглушения рафинированных барышень, укладывая их в лингвистические обмороки штабелями.

А все оттого, что мои ноги были недвижимы. Отказывались идти. И все тут. Первая мысль была панической: мне не убежать, я калека! Но, стиснув зубы, я оперлась на руки и все же смогла сесть, прислонившись спиной к стене. Пот тек по вискам, мышцы дрожали от напряжения. А я смотрела на изящные бледные девичьи ноги, прикрытые до колена белой батистовой рубашкой.

– Давай же! – сама себе приказала я, пытаюсь понять, чувствую ли собственные стопы: холод, боль... Что-нибудь. Но вместо едва различимых ощущений от лодыжек до бедра ме-

ня прошла резкая боль. Впилась тысячами игл.

Но как же я ей радовалась. Это означало одно: мышцы за-
текли. И сейчас в них, задревеневших, шел активный кро-
воток. Я, стараясь не орать, разминала их.

Время. Его было не так много, и оно, податливое силе, как
ртуть, все убыстрялось при моих попытках подогнать себя.

И все же я встала. За окном туманный рассвет превращал-
ся в яркий день. И плевать, что ритуальное время для побе-
гов – ночь. Мне некогда ее дожидаться.

Осторожно подошла к двери и заглянула в замочную сква-
жину, благо та была внушительной и без торчавшего с той
стороны ключа. Прильнула к «окуляру» и... Никогда еще
фигуральное выражение о ситуации «полная задница» не
выглядело столь буквально.

К моей спальне приставили стража, который сейчас как
раз демонстрировал мне свою корму. То ли чтобы на честь
юной Уикроу не покушались снова, то ли чтобы я не сбежала.

Окна тоже не порадовали. Ни высотой, ни выступающими
карнизами, по которым можно было бы перейти в соседнюю
комнату. Сдавать зачет по стенолазанию, болтаясь на шторе,
мне самой не хотелось. Потому как ничто так не оповеща-
ет надзирателей о побеге, как призывно свисающая из окна
верхних этажей веревка.

Лихорадочно осмотрелась. На будуарном столике лежала
книга. Хорошая такая, увесистая. Знаниями, что содержа-
лись в фолианте, можно было обороняться от невежества. А

самим томиком — от зомби.

Я встала рядом с дверным косяком и, отмерив в голос побольше трагизма, простонала:

— Помогите!

Видимо, с патетикой переборщила. Страж ворвался тут же, не ожидая, что его ждет оглушительный прием. Сил у меня было немного, затылочная кость мужика оказалась крепкой и мало восприимчивой к силе знаний. Медленный поворот головы в мою сторону, кажется, длился вечность.

— Ы-ы-ы... — осоловело протянул охранник, качнувшись ко мне и делая машинальный шаг.

Я не успела отступить, и его нога запнулась о мою. Страж все-таки упал, боднув лбом пол. Я же, удостоверившись, что он жив, не стала тратить времени даром и, прихватив ключ от комнаты, который обнаружился в кармане охранника, заперла дверь спальни и поспешила прочь. Меня, как и всякого беглеца, интересовали три вещи: еда, одежда и деньги. Хотя бы одежда и еда. Хорошо. Ладно, пусть только одежда.

Штаны с рубашкой и сапоги позаимствовала в каморке одного из мальчишек-прислужников. Там же разжилась длинной тряпицей, чтобы обмотать голову и под импровизированной чалмой спрятать волосы, чтобы меня случайно не узнали.

Благо те были заплетены на голове, судя по тому, что я нащупала, в тугую косу уложенную улиткой вокруг головы. Видимо, это был местный аналог бигуди или папильоток. И

здешние красавицы предпочитали кудрям волнистые локоны, которые как раз и получались, если уложить шевелюру тугой спиралью-колоском, которая начиналась от темени и расходилась кругами вавилонской башни до границы роста волос.

Мне же этот вариант «заготовки для прически аристократки» был на руку: распущенная светлая грива бы мешала, да и длинное узкое полотнище, которыми голову обмотала, крепко село, не грозя свалиться с макушки в самый неподходящий момент.

Выскользнула из комнаты. Узкий темный коридор, поворот, и... я услышала в утренней тишине слова:

– ...Вы бесчестный человек, отказавшийся принять дуэльный вызов! Я доложу о случившемся императору!

– Докладывайте, – сухой холодный тон гончего был как волнорез против гнева. Судя по всему, ярился сам крауф Уикроу. – И уже завтра получите официальный разрыв помолвки. Поэтому хорошо подумайте, прежде чем действовать. Я понимаю ваши отеческие чувства, но уже объяснил, что произошло: крауфиня Уикроу сегодня была не в себе. Даю вам время до вечера, чтобы поговорить с ней. Я вернусь с закатом. Она должна сегодня же дать показания. На кону не только ее жизнь, но и будущее империи. Так что честь имею... – прощаясь, произнес Эрвин. Раздался звук удаляющихся шагов.

– У вас ее нет, – холодно заметил крауф в тишине.

И я, хотя не видела их разговора, могла поклясться: в этот момент он смотрел в удаляющуюся спину гончего.

Выждала пару минут и выглянула из-за угла. Крытая галерея, в которой недавно беседовали двое, была пуста. Зато я увидела выход из особняка. И пусть он был не совсем стандартным – открытое окно на первом этаже, – это все же лучше, чем плутать по коридорам для прислуги в поисках черного входа.

Стрелой промчалась по галерее, взобралась на подоконник и сиганула в пышные цветущие кусты. Раздалось конское ржание, металлический лязг.

Выглянув из укрытия, я увидела карету, запряженную четверкой лошадей, которая как раз остановилась у крыльца, недалеко от меня. Гончий запрыгнул в нее, крикнув: «Трогай!» Но в этот момент раздался визг: наперерез карете вылетела лихая собачья свадьба. Лошади заржали. Возница ударил кнутом, отгоняя свору, и приостановился, поравнявшись со мной.

А я поняла: вот он, мой шанс! Оси меж рессорами были высоко, и я вполне могла поместиться под каретой. Не теряя ни мгновения, бросилась вперед, упала, перекатилась под дно и едва успела повиснуть на ступицах, как карета поехала, провожаемая отчаянным собачьим лаем.

Положение, в котором я оказалась, было подвешенным во всех смыслах: на переднюю ось я закинула ноги, согнутые в коленях, за заднюю ухватила руками. Удачно получилось,

что ноги шли первыми по ходу движения и пыль, летевшая из-под копыт, оседала на мысах сапог, а не на лице.

Руки быстро онемели, и держалась я на одном упорстве, прекрасно осознавая, что эффект адреналиновой волны сходит на нет. И едва особняк остался позади, я начала мечтать лишь об одном: чтобы карета как можно быстрее остановилась.

Впрочем, проселочная дорога скоро сменилась брусчатой мостовой. А это значило две вещи. Первое – поместье Уикроу расположено рядом с городом. Второе – если я сейчас сорвусь, размозжу голову о булыжники как пить дать. С грунтовой дорогой хотя бы были шансы легкой черепно-мозговой, а с камнем...

Когда карета замерла на пару секунд у одного из перекрестков, я решила, что хорошенького понемножку, и покинула транспорт. Оказавшись на мостовой, перекатилась подальше, чтобы меня не задавили, встала и поспешила прочь. На меня даже оглянулись прохожие, но я сделала вид, что не заметила. Может, это мой ежедневный утренний моцион – ездить зайцем под каретой. Отряхивать штаны было бесполезно. Их низ, как и сапоги, был безнадежно пыльным и темным, в противовес занимавшемуся ясному летнему дню.

Улицы старого города были еще немногочисленны. Но уже из лавок тянуло сдобой, слышался звонкий голос мальчишки-газетчика, кричавшего о побеге из-под стражи государственного преступника Дьярвира Йорана и просившего все-

го лишь серебр за сенсацию.

Я с сожалением глянула на пацана, размахивавшего свернутым в рулончик листком с новостями, и пошла вверх по улице. Пока особо даже не представляя куда. Нужно было посидеть и все хорошенько обдумать. Желательно в безопасном месте.

— Чушь полная! — донеслось до меня ожесточенное. А потом я увидела, как мужчина со злостью скомкал газетный листок, выкинув его в мусорную бочку, что стояла у дороги. — Писаки изовравшиеся! Не мог Дьяр этого совершить!

Он ушел, а я подошла, достала новостной листок, расправила его и, поняв, что могу читать, впилась взглядом в строчки под громким заголовком: «Империя на измене».

Статья оказалась гораздо информативнее, чем разговор с гончим. И это несмотря на то, что читала я, закаленная ересью интернет-постов, деля все напечатанное надвое.

Выходило, что Дьярвир Йоран был легендарным боевым магом. Он несколько лет назад огнем и мечом расчистил обширные восточные земли Трейгора от нечисти. Император, чтобы не оставлять на госбалансе новоприсоединенные территории, тут же пожаловал их Йорану вместе с ненаследным титулом крауфа. Ибо территории, освобожденные от мутировавшей нечисти, являлись теперь хоть и пригодными для жизни, но и назвать их благополучными было нельзя. Все же не зря в народе их величали «мертвыми землями».

С тех пор за Дьярвиром, до этого безземельным гре-

фом-полукровкой и боевым магом, закрепился негласный титул темного властелина восточных земель. Из тона статьи я поняла, что так в принципе величают всех темных магов, которые получили себе вотчину так же, как Йоран, – очистив мертвые земли от нечисти.

Вот только Дьяр, в отличие от остальных, не ограничился парой лин, а освободил земли «на пять дней полета быстрого почтового дирижабля».

И сейчас героя империи обвиняли в сговоре с сопредельными нелюдями, плетущими интриги против Трейгора.

Репортер живописал, что несколько дней назад обвинение против Дьяра выдвинула корона в лице кронпринца. Упоминалось также, что есть неопровержимые доказательства и даже свидетели.

В этом месте я хмыкнула. Судя по тому, как надо мной трясся гончий, «свидетели» у обвинения – аж целая я одна. Были бы другие – из меня бы так показания не пытались вытянуть.

Но автор обширной статьи, которая, к слову, занимала весь газетный листок с обеих сторон, уверенно заявлял, что признание вины – дело почти решенное. И вот сенсация: этой ночью преступник сбежал из-под стражи. И наверняка ныне скрывается в стольной Эйсе, все пути из которой перекрыты магическими заградотрядами.

Я взглянула на портрет Йорана, который сопровождал статью. Картинка была живой. На ней темный маг чуть при-

поднимал склоненную голову, глядя на зрителя, как в прицел. И в его взгляде отражались власть, сталь и сила. Сила настоящего воина.

Темные волосы, чуть смуглая то ли от загара, то ли от природы кожа, разлет бровей, прямой нос, волевой подбородок. Я бы не сказала, что он был идеально красив, но в нем чувствовалась... надежность, что ли.

Сильный, уверенный, идущий к своей цели и не привыкший отступать. В общем, благороднущий на всю голову – вот такое впечатление он производил.

– И тем не менее, именно он хочет меня убить, – напомнила сама себе, а потом, глянув на оживившуюся улицу, задумчиво протянула: – Интересно, а что это за город? Не столица ли, часом?

Глава 2

– Конечно, столица, – раздалось ворчливое откуда-то сбоку и тут же спросило: – Ты еще не думала отказаться от пагубной привычки – жить?

Я обернулась, уже догадываясь, кого увижу.

– Нет, – поспешила я огорчить свою собеседницу. – И вообще, в двадцать семь все только начинается!

– Так-то тебе восемнадцать, – сварливо поправила меня костлявая.

– Тем более!

– Одна, на улице, без малейшего представления об этом мире, и за душой ни медьки... Тебя ждет незавидная участь, поверь мне. Ты готова испить эту чашу? – напирала Смерть.

– С хорошей закуской принять можно любую и чашу, и рюмку, и черпак... – фыркнула я и, прищурившись, уточнила: – А вы, госпожа Хель, за мной теперь шпионите?

– Караюлю, – ничуть не смутилась Смерть. – Когда в отпуск хочется, все средства хороши. Даже слезка! Жаль, что ты из-под кареты так быстро улизнула. Прокатилась бы еще немножко, сорвалась бы об один симпатичный булыжничек и... А вот теперь дожидайся, когда ты от голоду сдохнешь!

И столько тоски звучало в голосе костлявой... Словно это не мне, а ей предстояло сесть на вынужденную диету. При чем та обещала быть пожестче, чем у иного дракона с при-

ступом гастрита, который вынужден есть только рыцарей-вегетарианцев и обезжиренных принцесс.

– Если котелок варит, то есть все шансы не остаться голодной, – тоном «не дождетесь» отозвалась я.

– Слушай ты, пигалица! У тебя совесть вообще в курсе, что ты тут вытворяешь?

– В курсе?! – Я вскинула брови. – Да она в доле! И требует себе больше половины!

– Вот и не вгоняй себя в долги. Помирай скорее, пока у меня отчетный квартал не закончился.

– А вы мне за это что? – пошла я на наглость.

– Всё что хочешь! – проскрежетала зубами Хель и тут же добавила: – Но только в пределах возможного.

«Значит, нервный срыв и неприятности», – мысленно расшифровала я столь щедрое предложение и... отказалась.

– Думаешь, ты такая смелая ведьма, которой инквизиторский костер по колено, – зловеще протянула Хель. – Ну-ну...

Я думала, она сейчас наплюет на свой трудовой кодекс Смертей или устав фирмы «Аид и Ко», ну или как там у нее это называется, и замахнется на меня косой. А то и кинет какой-нибудь магической гадостью. Чтоб и успокоить (себя), и упокоить (одну попаданку) разом.

Но нет! Костлявая поступила во много раз хуже: она начала действовать мне на нервы. Хель следовала за мной по пятам, бубня что-то себе под провал носа.

Меня это раздражало. Хотя, может, сказывалась еще и

усталость. А еще дико хотелось есть. Побег закончился, и у организма наступил откат. Я шла меж домами сомнамбулой, прикидывая, куда бы мне устроиться на работу. Согласилась бы и прачкой, и судомойкой, лишь бы покормили.

Улица заполнялась шумом, запахами, голосами, толчками спешивших по делам прохожих. Только старик, что шел впереди с клюкой, никуда не торопился. Наверное, потому, что у старости в принципе не особо есть время, чтобы куда-то торопиться.

Задумавшись, я не успела увернуться, как на меня налетел мчавшийся невесть куда господин. Толчок его острого локтя в мою руку, которая рефлекторно согнулась, ударив в ответ, и его злой окрик:

– Куда прешь, голь проклятая! Развелось нищих!

И за громогласной словесной оплеухой мы оба не услышали, как о мостовую ударился его кошель. Я лишь спустя миг почувствовала, как мне на ногу упало что-то увесистое. Посмотрела вниз и увидела плотно стянутую в горловине мошну. Наклонилась и подняла небольшой мешочек из дубленой кожи. Первым порывом было крикнуть: вы обронули. И я так и сделала бы, если бы не понимание: моя честность может стоить мне жизни. И, может, это единственный шанс...

Наверняка те, кто придумали слово «везение», подразумевали, что ты запрыгиваешь в седло кобылицы, которая и везет тебя, мча через неудачи. Но мне попалась дикая лошадка, которая скинула меня, едва я оказалась у нее на спи-

не. Еще и копытами приложила от души.

А может, это Хель расстаралась, нашептав в уши спешившему господину проверить кошель. Но, так или иначе, бежавший резко обернулся посреди улицы, увидел меня с его кисетом в руках и заорал:

– Вор, держите вора! – И ткнул пальцем в меня, ринувшись на выручку своим деньгам.

Я же, развернувшись на каблуках, дала деру от крикуна, став наглядной иллюстрацией того, что всю жизнь люди бегают за деньгами, а деньги – от них.

В общем, воспользовалась самым неожиданным аргументом в дискуссии. Таким, при котором возражать оппоненту становится просто некому. Мой же «собеседник», видимо, очень жаждал продолжить «спор», поскольку погнался за мной. Да еще и не один. На подмогу ему пришел, точнее, прибежал серомундирный тип. Маг, чтоб его!

Последнее я поняла, когда едва разминулась с запущенным в меня пульсаром. Смерть, летевшая рядом, при этом то ли матюгнула меня, то ли смагичила проклятьем. Но, скорее всего, успешно совместила.

Мне было недосуг разбирать. У меня было дело куда более ответственное – самоспасательная операция. Причем я не только бежала, но и вопила, тыча пальцем вперед, словно это я кого-то преследую, а не меня:

– Пожар, наводнение, грабеж, чума, налоговый сбор! Ворюги! Хватайте их! – В общем, делала все, чтобы внести

сумятицу, дабы какой-нибудь добросердечный горожанин, услышав окрики: «Держи его!» – не цапнул меня за руку.

Правда, при этом я напоминала сама себе сумасшедшую летучую мышь с альтернативной системой геолокации, которая, отринув свет, зрение и логику, выбирала дорогу исключительно по собственному крику.

Зато метод работал! Во всяком случае, прохожие замирали, я могла проскочить меж ними, даже особо ни с кем не сталкиваясь.

Промчавшись под аркой каменной башни с колоколом, перемахнула парапет в месте, где две мощеные улочки – верхняя и нижняя – сходились клином у рыночной площади, украшенной парой виселиц, и, уже съезжая по наклонной каменной кладке к стоку нижней дороги, услышала:

– Да хоть бы ты споткнулась, зараза, и шею себе свернула! – в сердцах пожелала Хель.

– И вам, уважаемая, тем же концом и по тому же месту, – просипела в ответ я. Все же желание язвить у меня работало порою автономно от здравого смысла.

Краем глаза успела отметить слева вдалеке высокую мощную городскую стену и две башни с бойницами. Мне определённо нельзя было удирать в ту сторону, а то окажусь в ловушке. Потому помчалась мимо фахверковых двух-трехэтажных домиков, основу которых составляли вертикальные столбы и наклонные балки из деревянных толстых брусьев, что были видны снаружи. А стены чаще всего оказывались

заполненными каменной кладкой, реже – глиняной мазанкой. В основном беленой. Но изредка мелькали и выкрашенные в оранжево-красный, зеленый, бежевый дома.

Но я летела мимо них стрелой, не размениваясь на впечатления. Вперед, только вперед и иногда вбок, чтобы сбить прицел у серомундирного мага.

– Справа! – гаркнула мне в ухо Хель, отчего я чуть шарахнулась в сторону и... магическая ловчая сеть зацепила меня, скрутив по рукам и ногам, выбив воздух из легких.

Я со всего маху упала наземь.

– Ну вот и все, добежался, пацан! – вытирая пот со лба, усмехнулся серомундирный, победно глянув на меня сверху вниз.

Его догнал запыхавшийся владелец кошеля.

– Уу-у, сучё... – просипел он. Но я, как девушка интеллигентная, предпочла услышать «гадёныш». Увы, так нельзя было проигнорировать ботинок мужика, который замахнулся, метя мне в живот.

Я уже сжалась, приготовившись ощутить удар под дых, как услышала:

– Нет! Мне его живым до суда довести нужно. А если по сильнее приложить, то он и сдохнуть может. – И, подобрав с земли выроненный кисет с монетами, серомундирный протянул его бывшему владельцу. – Ваш?

– Да, – с готовностью отозвался тот. – И ведь как стащил-то, крысенок! Я бы и не заметил, если бы не моя чуй-

ка! – гордо заключил он.

– Конечно, твоя, – проворковала Хель, которую никто, кроме меня, не слышал. – Вот погоди, через месяцок приду к тебе с повесточкой сердечной хвори... Надеюсь, ты меня тоже своей назовешь.

Судя по ее ласковому тону, на «чуйку» она все же обиделась.

Мое же чувство уважения к этому совсем-не-господину в камзоле закончилось, когда я едва не получила от него со всей силы ботинком под дых. И просвещать его, кто стоит с ним рядышком, любовно дыша в затылок, я не подумала.

– Так, пацан, поднимайся. Пойдем в тюрьму. Сегодня как раз судья Доророк вышел из запо... – серомундирный осекся. Видимо, понял, что, если не хочешь проблем, о начальстве, как о покойном, либо хорошо, либо молча, и исправился: – ...в смысле у него закончилась передышка от тягот жизни. Так что приговора долго ждать не придется.

Не могу сказать, чтобы это меня обрадовало. Дорогу до участка я помню смутно, как и душную тёмную камеру, набитую битком. Грязные потные тела, лязг запоров и писк наглых крыс, которые, не стесняясь дня и людей, шныряли по казематам. Двум здоровым камерам, которые были друг напротив друга: мужской и женской.

Голова раскалывалась, тело ломило. Хотелось есть, пить, спать... Но больше всего – послать тремя векторами из высшей матерноматики на все четыре стороны одну зудящую

чернобалахонницу. Причем, если бы костлявая канючила только о моей смерти, это бы не так раздражало. Но нет. Она причитала еще и своем отпуске. О пальмах, песочке, волнах и нехорошей мне, которая ее всего этого лишает. Одним словом, издевалась.

Я в полуобморочном состоянии бормотала в ответ, что здесь тоже почти рай, хотя и яблочки не те, и змеи мелковаты, но все равно... В общем, мы отлично проводили время до суда, беся друг друга.

Зато от меня и Хель сокамерники предпочитали держаться подальше. Так что в компании костлявой были даже плюсы: ко мне не пытались лезть. Видимо, интуитивно чувствуя смерть рядом.

Из камер выводили по четыре человека – на суд. Причем споро так выводили. Прямо как конвейер: через каждые полчаса – новая партия. Я прикинула, что на каждого обвиняемого таким образом чуть больше пяти минут. Да уж... за такой промежуток времени точно можно оценить все улики, опросить свидетелей и предоставить доказательства.

Я взгрустнула. Вариант лучшего алиби – прикинуться потерпевшей – увы, был не для меня. Хотя бы потому, что «обокраденный» не пожалел своего времени и возжелал свидетельствовать на суде.

– Ты, ты, ты и ты! – Через решетку ткнули пальцем, указав на меня и еще троих: косматого страшного мужика, побирушку и парнишку с хитрющим взглядом. Судя по все-

му, малец не первый раз был тут. Надсмотрщик отрывисто гаркнул: – На выход!

Один за другим, под конвоем, мы поплелись по коридору.

В мужской камере я оказалась исключительно из-за того, что выглядела по местным меркам пацаном: грязные штаны, голова, обмотанная тряпкой, сапоги и пыльная рубаха. А докапываться до гендерной сути тут, в отличие от моего мира, не то чтобы было не принято, скорее некогда: тюрьма и так трещала по швам. Но сегодня – удачное стечение обстоятельств – переполненные застенки можно было и разгрузить, разом и осудив преступников, и отправив их на каторгу. Вот и торопились стражи. Те, что остались и не были привлечены в патрули, прочесывавшие город в поисках сбежавшего Дьяра, спешно выводили заключенных из камер.

Так что ни о каком досмотре, когда меня привели в тюрьму, речи не шло. В мою сторону, перед тем как снять ловчую сеть, лишь посветили каким-то амулетом. Тот неярко вспыхнул ядовито-зеленым, и недовольный надсмотрщик буркнул:

– И этот, чтоб его, с даром! Кандалов из анаритума на вас не напасешься! Как тебя звать-то?

Я напрочь забыла, что ныне принадлежу к роду Уикроу и ношу имя Тигиан, ляпнув:

– Вик...а, – я зашипела от обжигающего холода на последнем звуке: это стражник нацепил мне на руки кандалы, металл которых, по ощущению, только что облили жидким азотом.

– Так и запишем. Вик. Пойман за кражу шестнадцатого травня сего года.

Он черкнул на замусоленной бумаге что-то пером, поставил оттиск кольцом-печаткой на листе. Место оттиска слабо засветилось. И потом прислонил перстень ко мне, дотронувшись до шеи под ухом. Кожа там мгновенно зазудела.

Только все это я отмечала лишь мимоходом. Сказывалась усталость, граничившая с нервным и физическим истощением. Потому даже не сопротивлялась, когда магические наручники на запястьях защелкнули. Да и имя не поправила.

С этим-то украшением мне и предстояло дожидаться приговора. Правда, как выяснилось, недолго. Еще солнце не успело сесть, а нас четверых уже вели по длинному, темному, узкому, извилистому коридору, который напоминал мне глотку прокурившегося до потрохов табачника. А когда тот закончился, мы оказались в небольшой комнатке, куда закатный солнечный свет пытался пробиться через плотный слой грязи на окнах.

Нас выстроили в ряд перед судьей. С боков подпирала стража. Про блюстителя закона серомундирный не соврал. Тот, судя по его виду, действительно недавно вышел из запоя. Но, на мой взгляд, исключительно ради того, чтобы вернуться и зайти в него как положено.

Позади стояла дюжина стульев. В основном пустых. Видимо, для досточтимых горожан, которые желали бы присутствовать при разборе дел. Но то ли сегодня судебный про-

цесс был слишком скучным, то ли у народонаселения столицы нашлись развлекательные мероприятия поинтереснее... Даже того не-господина, который так рвался обвинить меня в краже его кошелька, не было. Видимо, утомился, болезненный, ожиданием.

В качестве группы поддержки выступала лишь Смерть. Правда, вместо черлидерских помпонов она в нетерпении чуть пристукивала косой, скандируя:

– Ви-се-ли-ца! Ви-се-ли-ца!

Судье же было не до увещеваний. Его обуревала столь сильная похмельная жажда, что, сдается мне, будь рядом с ним влажные салфетки, и они пошли бы в ход. Но их не было. Потому законник лишь обмахивался платком, утирая им же пот, лившийся на лоб из-под парика с буклями, и буравил нас глазами с ярко выраженной сеткой капилляров.

О перегаре, которым несло на всю комнату, мне хотелось бы тактично умолчать. Хотелось, но не могло: в первые минуты я закашлялась.

– Имя, – меж тем, недовольно скривившись, словно вопрос приносил судье нестерпимые терзания, спросил первого из нас четверых служитель местной Фемиды.

– Меня называют Вир, по прозвищу Безземельный, – буркнул здоровяк в чуть порванной рубахе.

Вторя его словам, камень, лежавший на столе перед судьей, засветился зеленым. Тут же один из серомундирных, покопавшись в стопке листов, нашел тот, на котором засве-

тился оттиск печатки-кольца, и зачитал:

– Вир Безземельный перед лицом богов, магии и закона обвиняется в нападении на добрых граждан в корчме «Кривая струя...»... – Обвинитель на миг замолчал, прищурился, приблизив засаленный лист к самому носу, кашлянув, про-
бормотал «простите» и зычно зачитал: – ...«Кривая струна»,
избиении хозяина и неуплате за заказ.

– Этот хмырь меня обсчитал! – перебил следователя Вир.

– Поэтому вы решили показать пример правильной ариф-
метики и точно пересчитали корчмарю зубы? – не удержался
от сарказма серомундирный.

– Там тоже была недостача! – нашелся подсудимый.

При их разговоре камень на столе перед судьей мигал за-
полошным светофором. Правда, исключительно зеленым.

И тут вмешался судья, указал колотушкой на Сизого и
прогнусавил:

– Тебя, значит, обсчитали?

– Да, – с готовностью отозвался здоровяк.

– И ты устроил драку?

– Да, – уже не столь рьяно согласился он.

– Магию применял? – массируя виски, спросил судья,
взглядом указав на кандалы.

В ответ заключенный отрицательно мотнул головой.

И тут только я поняла, что на меня тоже навесили не про-
стые наручники, а сдерживающие не только физическую, но
и магическую силу. Но я лишь сделала мысленную пометку

по этому поводу, вся обратившись в слух и из крупниц информации пытаюсь найти ответ на вопрос: как мне избежать виселицы? Не зря же Смерть так агитировала судью за этот вариант развлекательного досуга.

– У тебя есть сто золотых для компенсации урона и штрафов? – практично спросил судья.

– Нет!

– Решено, – ударил молотком судья, сам же скривившись от громкого звука. – В обвинении за неуплату за заказ оправдать. За зачин драки, порчу имущества и самого корчмаря – шесть лет каторги на золотых приисках в пользу империи.

Я про себя присвистнула: м-да уж, это тебе не Гаагский трибунал.

С побирушкой все решилось гораздо быстрее: год работ опять же на пользу империи, но в выселке за попрошайничество в неположенном (то бишь в квартале богатеев, оскорбляя их взор своим непотребным видом) для этого месте.

Пацан же, и вправду оказавшийся щипачом, юлил на допросе угрем, которого просто так в болотной жиже и не поймашь.

Но судья был запойным не только алкоголиком, но и юристом. И несмотря на похмелье умудрялся задавать вопросы так, что юный вор становился все бледнее. И отвечал, все больше заикаясь.

– Ты до этого уже воровал? Да или нет? – резко спросил судья.

– Н-нет, – сглотнул воришка.

И тут же камень вспыхнул пронзительно-алым.

Еще несколько вопросов на местном детекторе лжи, и...

– Виселица! – ударил молотком судья.

Карманник стал белее снега. Но мне было не до него. Поэтому как спросили уже меня:

– Имя?

– Вик, – произнесла я, догадавшись, что нужно назвать то же имя, что и вписано в местный «бланк регистрации».

– Прозвище или из какого рода?

– Туманова, – слова давались с трудом, горло саднило.

– Вик из Туманного рода, – понял по-своему судья и обратился уже к серомундирному: – Этот-то малахольный что натворил?

Обвинитель зашелестел листками и зачитал:

– Кража у господина Крунжа кошель с десятью золотыми и прочей медной монетой, сопротивление при аресте. Потерпевший также утверждает, что вор во время преследования успел умыкнуть из мошны десять золотых.

– Брал деньги? – спросил судья.

Смерть же в этот момент прямо-таки ластилась к нему, что-то любовно нашептывая на ухо.

А мозг лихорадочно соображал. Практика показала, что врать, как карманник, не вариант. Но если я отвечу «да» на этот вопрос – значит, признаюсь в том, что своровала. И это тоже прямая дорога на виселицу.

Черт! Ну почему некоторые люди входят в историю победным шагом, в крайнем случае с трудом попадают, втискиваясь, как в вагон метро, а я исключительно вляпываюсь. Причем с легкостью. И умудряюсь сразу же упасть на такую глубину, с которой, чтобы полюбоваться дном, нужно еще и голову хорошенько задрать.

Думай, Вика, думай! Что может заставить человека тебе симпатизировать, если в этот же момент Смерть нашептывает ему на ухо мысли о смертном приговоре?

Жалость? Пф-ф, на нее в суде дают чаще, чем водители на тормоз при заносе. Логика? Что-то подсказывало, что в моем случае причинно-следственные связи под белы ручки доведут меня скорее не до добра, а до эшафота.

– Так брал? – напомнил о себе судья.

И я решилась, выбрав для себя роль:

– Да. – Вскинула голову и, руководствуясь принципом «не повезло быть умной, пусть везет как дурочке», изобразила искреннюю простоту. – Но он их сам обронил! Кошель мне под ноги упал...

На последних моих словах засмеялся весь зал. Но сияющий зеленым камень был на моей стороне.

– А как же десять золотых? – усмехнулся судья.

И в этот момент в плотной тишине зала раздался характерный звук: тренькнуло пришедшее сообщение. Вот только на него никто, кроме меня и Хель, не обратил внимания.

Костлявая, причитая «да чтоб тебя», жестом фокусника

извлекла из складок балахона... планшет и уставилась на экран.

– Как же не вовремя! И что они все мрут в самый неподходящий момент! – проскрежетала зубами она. И, уже ласково погладив судью по парикку, напутствовала: – Ты у меня умница, знаешь толк в смертных казнях. И между первой виселицей и второй у судьи перерывчик небольшой.

И, поцеловав напудренную маковку парика, Хель исчезла.

А я, воодушевившись, зацепилась за ту самую полуусмешку-полуулыбку судьи, набрала в грудь побольше воздуха и ответила истинно в духе адвокатов, то бишь вопросом на вопрос:

– А они там вообще были? – удивилась я, впрочем глядя не на судью, а на обвинителя.

Тот зло сверкнул на меня глазами, дескать, какой умный выискался. Но, судя по его колкому взгляду, «обворованному» поверили на слово. Безо всяких проверок.

Судья, вздохнув, уточнил:

– Но кошель ты взял? И удрать пытался?

– Да, но бегство было исключительно от испуга: когда боишься, что тебя обвинят в воровстве, ноги сами собой несут в другую сторону от законников!

– Однако, – судья не удержался от еще одного смешка. Но, глядя на светящийся зеленую камень, задумчиво протянул: – То ли ты такой наивный простака, то ли столь талантливый лгун, что сумел обмануть даже артефакт правды.

Он побарабанил пальцами по столу, словно взвешивая на чашах либры решение о том, жить мне или болтаться на виселице.

По моей спине пробежала одинокая холодная капля пота. Я на миг прикрыла глаза, пытаюсь оценить все. Голос судьи, его жесты, реакцию на мои слова. Эхом прозвенело «Виселица!» в адрес карманника. Неужели меня ждет та же участь?

И я зацепилась за кривую улыбку. Точнее, смешок. Тот, кто заставляет тебя улыбаться, становится тебе ближе. Его тяжелее отправить на казнь. Чуть тяжелее, но все же.

Всего лишь секунда, и я приняла решение, которое могло мне стоить жизни или смерти.

– Не знаю, – честно, чуть виноватым тоном ответила я. – Я понятия не имею о своем даре. Просто Смерть иногда вижу.

– Чью? – тоном «остри, малец, но помни: одна голова хорошо, но еще лучше, если она не отдельно от тела» спросил судья.

– Чаще всего свою собственную, – я шутила чистую правду. Вложив в слова, интонации и даже паузы иронию и наивную простоту, дескать, ну не могу я быть выжигой и плутовать. Я честная, просто дурочка. Точнее, дурачок. – Вот только такой дар – хорошо, но если бы его не было – еще лучше.

– Маг, с такой легкостью отказывающийся от своей силы? Да ты и правду скорее дурак, чем опытный вор, – глянув на зеленый камень и истолковав мой ответ согласно местному

мировоззрению, заключил судья, усмехнувшись.

И в этот момент я поняла, на какой тонкой грани порой может балансировать человеческая жизнь. И острая точная шутка может спасти ситуацию, как спасает больного скальпель хирурга. Я все-таки смогла заставить законника увидеть во мне не преступника, а человека. Да, глупого, смешного, у которого ума далеко не палата и та с крышей сикось-накось, но человека.

– Пять лет каторги тебе, чтобы поумнеть, недомаг, – ударил он молотком. – Пусть прииски тебя исправят.

Подумалось невольно: в моем случае пытаться исправлять без толку. Что рождено таким, уже не отредактировать. Какая каторга? Меня даже смерть не смогла изменить: все тем же уверенным шагом на самые большие в округе грабли.

И все же я выдохнула с облегчением: не виселица! Хотя утром, удирая от законника, когда сначала бежала, потом шустро прыгала, даже умудрилась пролететь пару метров, сиганув с парапета и мечтая о передышке, я и помыслить не могла, что присяду отдохнуть. На целых пять лет. Да еще буду этому так радоваться.

Нас вывели из зала, разделив: нас троих – в одну камеру, а карманника – в другую, в самом конце коридора.

Ближе к вечеру нас отправили из столицы дилижансом. Но одиночные (и, судя по всему, жутко ценные) кандалы заменили другими, подешевле, не из антимагического металла, как я поняла, а просто зачарованными. Во всяком случае,

они уже не обжигали холодом. Вот только гадство: они были рассчитаны на двоих. И теперь на одном конце зачарованной цепи длиной пару локтей была прикована моя рука, а на другом – запястье того самого Вира Безземельного.

Нас запихнули в длинный закрытый кузов. Этакий аналог автозака нашего мира, только мощностью в шесть лошадиных сил. Оные и были впряжены в тюремный дилижанс.

Оказавшись внутри, я увидела малюсенькое зарешеченное окошко у самого потолка и вдоль стен два ряда лавок из нестроганных, но уже изрядно обтертых задами досок.

– Э, господин вышник, а когда кормить будут? – возмутился один из заключенных, карлик, пытаюсь подпрыгнуть, чтобы усесться на скамейку. Причем странность: рука его не была скована цепью с чьей-то еще. Нет. Обе его ладони, а также запястья были словно утоплены в цельный камень.

– Ты же цверг, а не упырь. Чего тебе на ночь глядя жрать давать, нелюдь?! – беззлобно отозвался стражник. – Довезут до места, там и получишь.

Это прозвучало столь выразительно, что могло подразумевать как получить капустные щи в миске, так и просто по щам. Впрочем, я не была столь любопытной, чтобы уточнять.

Мой же «напарничек» и вовсе обладал столь прокачанным навыком общения, что я не удивлюсь, если от него сбежали даже домашние растения. Он был, мягко говоря, молчалив. А его взгляд оказался настолько тяжелым, что им

можно было гвозди забивать. В керамогранит.

Едва дверь за нами захлопнулась, как тюремный дилижанс начал движение. Причем как-то странно, рывками, все ускоряясь.

Я попыталась посмотреть в окошко, но увидела лишь смазанную картинку, словно ночные звезды запустили в центрифуге на максимальных оборотах, а луна и вовсе размазалась в круговую тонкую нить.

– Магией жажнули, – глубокомысленно заметил карлик. – Видать, путь через карманы срезают. Не влететь бы в ночи куда. – Он почесал щеку с кустистыми бакенбардами о плечо.

Что примечательно, на коротышке не было рубахи, только кожаные штаны с кучей заплаток-заклепок и внушительные шнурованные сапоги. На чуть сморщенной смуглой коже красовались символы и татуировки, а его плешь в венчике волос отсвечивала даже в сумраке дилижанса.

– Ты не трепли языком, нелюдь, а то щас тебя жахнем, – буркнул другой заключенный, у которого были выбиты передние зубы.

– Попробуй, – усмехнулся карлик. – Думаешь, если мне руки в камень вплавили, то я ответить не смогу? Зря... Тюкнет тебя такой булыжник по башке, и будешь лежать и думать: к чему бы это?

– Да я тебя, шмырь мелкий, бздызжик, вылезший из-под драконьего хвоста, щас одним плевком перешибу... – выразительно разминая плечи, пообещал каторжник. Впрочем, в

противовес собственным обещаниям он пока остался сидеть на месте.

Меня же, несмотря на начавшуюся перепалку, неумолимо клонило в сон. Я даже вырубалась временами, проваливаясь то ли в обморок, то ли в дрему.

Карлик с беззубым сцепились. Пока что только языками, но были шикарные шансы, что эта словесная свара вскоре перерастет в драку.

По крыше застучали капли дождя. Маленькое зарешеченное окошко залил яркий свет. И почти тут же раскат грома, по ощущениям, расколол мир надвое.

Ему тут же вторило истеричное ржание лошадей. Резкий рывок кареты, крики...

Заорали и заключенные, и надзиратели, ехавшие рядом с кучером. «Тпр-р-р!» – возницы было запоздалым.

Лошади уже понесли. Причем если пару секунд я ощущала толчки от ухабов, судорожно вцепившись в скамейку, то потом – мгновение невесомости и... удар. Меня отбросило вбок. Плечо моего «напарничка» чуть смягчило удар, но все равно воздух выбило.

Резко пол и потолок поменялись местами. Ещё раз и ещё. И я бы наверняка билась о стены дилижанса, а то и сразу свернула бы шею, если бы меня вдруг резко не зажали в тиски.

Сильные мужские руки оказались с обеих сторон от меня, а грудь – прижатой к телу моего напарника по кандалам. Он

просто вдавил меня в сиденье, навалившись сверху и держась за доски прибитой к полу скамейки.

Я ничего не видела. Лишь грязный ворот и загорелую мужскую шею с четким рисунком напряженных мышц и жил и обозначившуюся, бешено пульсирующую от напряжения яремную вену.

А потом, после очередного удара и кувырка, все резко прекратилось. Стена, на которую я раньше опиралась спиной, стала полом. Откуда-то снаружи доносилось истощенное ржание. Вокруг – стоны. А еще – кровь. Живых и... души тех, за кем скоро придет Хель.

Именно мысль о смерти отрезвила меня. Резко захотелось, чтобы меня отсюда выпустили на минутку. Ну или хотя бы насовсем.

– Шевелись давай! – услышала хриплый голос «напарника». – Я тебя не для того спас, чтобы ты гирей висел на мне.

Я кивнула, без слов дав понять: усекла.

Вот и вскрылась причина благородства моего однокандальника. Умри я, и ему при побеге пришлось бы волочить за собой мой труп: отсечь руку попросту было нечем, да и особо некогда. Лишь подивилась тому, как быстро этот тип успел сориентироваться и все просчитать, пока я пугалась.

Мой «напарник» же, руководствуясь дизайнерским порывом в духе: здесь будет дверь, без вариантов, – со всей дуришибанул сапогом по тому, что раньше было крышей, а ныне – стеной.

И тут среди стенаний и вскриков я услышала стон:

– Помоги...

Рядом со мной лежал карлик. Его придавило сразу несколькими телами, и со скованными камнем руками он не мог выбраться. Я не могла отделаться от ощущения, что просит ребенок. Может, дело было в том, что этот цверг был ростом с детсадовца-пятилетку, может быть, из-за взгляда, в котором были искренние надежда напополам с обреченностью. Хотя, скорее всего, это просто у меня рядом с сердцем закололо от доброты, которая часто выходила мне боком.

Я, не раздумывая, потянула карлика за каменные наручники на себя, вытаскивая его из-под груды тел.

Резкий рывок едва не сбил меня с ног – это мой однокандальник проломил-таки проход и ринулся на свободу.

– Ты чего застрял? – обернулся он.

– Помоги вытащить, – рывкнула я, мертвой хваткой вцепившись в карлика.

– Нет времени, – бросил через плечо мой однокандальник.

– Значит, придется тащить либо меня на себе, либо мелкого из-под завала. – Я зло стиснула зубы.

На миг и так темные глаза моего «напарника» и вовсе заволокла чернильная мгла. Подумалось: мне сейчас свернут шею, как кутенку, закинут на плечо и... у Хель таки случится отпуск.

Но нет. Заключенный медленно выдохнул и, сделав два шага, рывком выдернул придавленного карлика. Распрямил-

ся и глянул на меня. Зло так, выразительно.

И я поняла, что жива лишь в силу обстоятельств.

— Я верну долг, клянусь своим даром, — меж тем произнес цверг, и татуировки на его теле на секунду вспыхнули.

А затем я не успела опомниться, как он шустро, словно перекасти-поле под напором урагана, буквально вылетел из пролома, сделанного, между прочим, моим «напарником».

Мы, не сговариваясь, ринулись следом. Потому как такой шанс на свободу нельзя было упускать. Опять же надзиратели, в отличие от садоводов, побегам не рады. Стражи нороят не поддержать их и, так сказать, укрывным материальчиком обеспечить, подкормить, а исключительно оборвать.

Мы выскочили в ночь. На улице бушевала гроза, дождь лил стеной.

Холодные струи били в лицо наотмашь, превращая во время вспышек молний контуры ближних валунов в размытые пятна темно-черного на черном же фоне. Да что там камни! Даже очертания тела, бегущего чуть впереди напарника, не имели ныне четких границ меж ним и его же отражением в лужах.

Когда очередная огненная вспышка раскроила небо наполам, я обернулась. И в нестерпимо ярком свете увидела, как из перевёрнутого дилижанса, улетевшего с обрыва, выбираются заключенные. Отвлеклась и, запнувшись, упала.

Однокандальник обернулся, когда цепь резко натянулась, дернув его назад.

– Вставай! – приказал он, протягивая руку.

Я ухватилась за нее, почувствовав себя в роли легендарной репки. Только вытянули меня не из грядки, а из грязи. И главное – в момент, безо всяких ритуалов призыва родственников, как в сказке. Причем, видимо, и сам напарник не рассчитал сил, потому как я, выскочив из глиняного мешка, как пробка из бутылки, врезалась в мужскую грудь.

Наши взгляды на миг встретились. И в следующую секунду я осознала, как, а точнее, чем оказалась к нему прижата. И сильно пожалела, что Тигиан сама худая, а вот ее грудь – нет: девичьи формы пусть и не самые большие, но все же можно было почувствовать через мокрую рубаху. А при дневном свете – еще и увидеть. Оставалось надеяться, что в пылу побега мой напарник этого просто не заметил.

Так понял или нет? Посмотрев в его лицо, черты которого, мне показалось, чуть изменились под дождем, я так и не смогла найти однозначного ответа.

Впрочем, не у меня одной имелись вопросы. Тот, с кем я была скована кандалами, тоже был не прочь кое-что уточнить:

– Идти можешь?

– Д-да, – стуча зубами от холода и страха, ответила я.

– Тогда давай, нужно поскорее выбраться из ущелья. – Он указал на крутой подъем.

Я кивнула.

Глина, смешанная с гравием, под ногами быстро разбуха-

ла, превращаясь в месиво. Подъем был крутым, и я поскальзывалась и падала еще несколько раз. И когда мы наконец выбрались, дождь из ливня перешел в частую дробь, и бежать было бы, наверное, под таким легче, вот только сил у меня вовсе не осталось.

Я стояла на краю обрыва, упирая руки в колени и тяжело дыша. Дорожные колеи медленно наполнялись водой, а я смотрела вниз, поражаясь нашему везению. Как улетевший с излучины серпантина в обрыв дилижанс не измолотило в щепу – это чудо. Он мог и не разминуться с парой валунов на уклоне.

– Идти можешь? – с сомнением уточнил напарник.

– Ползти – точно. Насчет остального не знаю, – глянув через плечо, отозвалась я.

А вот чего я совершенно не ожидала, так это того, что по моей фигуре пройдутся взглядом. Оценивающим, но не заинтересованно мужским, а торгово-приценивающимся. И в следующий момент мой сокандальник повернулся ко мне спиной и приказал:

– Запрыгивай!

Нет, я слышала, что жены и любовницы порой сидят на мужской шее. И даже бытует мнение, что место меж первым и седьмым позвонками мужчины – источник женского благополучия в жизни, но вот не думала, что в моем случае все будет настолько буквально.

– Ну! – подстегнул мою нерешительность напарник.

Я запрыгнула, ухватившись руками за плечи, а ногами обняв мужской торс на манер ствола дерева. И тут же почувствовала, как сильные руки приподняли меня за бедра, подсаживая. А затем мой напарник взял столь стремительный старт, словно и не было у него за спиной внушительной живой ноши.

Я же, вцепившись в него руками, молилась лишь об одном: хоть бы он не поскользнулся, не упал и мы оба не свернули шею. Впрочем, по дороге бежали недолго: едва тракт вышел из ущелья, врезавшись в пологий склон, поросший густым ельником, мы нырнули меж пушистых колючих ветвей, и напарник резко забрал вправо, уходя вниз, к ложбине.

Дождь уже не лил, а шептал, соединяя небо и землю, принося с собой запах облаков, смешанных с ароматом хвои. Я прижималась щекой к плечу напарника, согревалась его теплом и пыталась не соскользнуть в сон, который по всем признакам походил на обморок. Во всяком случае, в ушах уже звенело, сознание мутилось, и я с трудом контролировала собственное тело.

Наверно, потому за шелестом капель я не сразу услышала шум ярящегося водного потока. Лишь когда мы приблизились к горной реке, я смогла отчетливо его различить.

– Нужно переплыть, – прозвучал хриплый голос однокандальника. – Вода смоев наши следы. И обычные, и магические. Ты как, плавать умеешь?

Я глянула на бурное течение, в стремнине которого в

предрассветных сумерках крутились белые водовороты. Подозреваю, что и вода была далеко не парным молочком, скорее уж едва оттаявшим ледником.

– Умею, но пловец из меня не очень, – повернувшись к напарнику, призналась я и обомлела, посмотрев на него.

Черты одутловатого лица менялись и оплывали каплями топленого воска, стекали, словно краски с картины. И под серым слоем из ноздреватой кожи с рубцами и мелкими застарелыми шрамами проступали совершенно другие черты: острые скулы, прямой нос, упрямый подбородок. Лишь взгляд темно-синих, цвета предштормового неба глаз остался неизменным: пронизательным, расчетливым и холодным.

Совсем как на том изображении в газете. Я сглотнула, понимая, что передо мной тот, против кого девица Тигиан должна была давать показания, – тот самый Дьярвир Йоран. И мы со злейшим врагом ныне прикованы друг к другу одной цепью. М-да... явно где-то глубоко во мне спал оптимист и везунчик. И с каждым днем его храп становился все громче и залиvistее.

Видимо, мое изумление было слишком велико, потому как напарник иронично вскинул бровь, спросив:

– Что?

– У тебя это... грим поплыл, – я решила сообщить о меньшем из своих открытий.

– Правда? – ничуть не смутился напарник. И, проведя ладонью по щеке, посмотрел на пальцы, невозмутимо доба-

вив: – Я рассчитывал, что искажающего эликсира хотя бы на пару суток хватит.

Всего одна его фраза родила столько вопросов, что я могла бы в них утонуть легче, чем в горном потоке, ревущем рядом.

– Ты... – ошарашенно начала я.

Но Дьяр меня перебил:

– А мне твое лицо кажется знакомым... Мы не встречались раньше? – прищурившись, спросил он.

– В этой жизни – точно нет, – отрезала я и с энтузиазмом посмотрела на буруны реки.

Уйти от разговора, а тем паче от пристального внимания беглого мага хотелось столь сильно, что и вода уже казалась не такой уж холодной, а идея нырнуть в нее – не безумной.

Как врач, я прекрасно понимала, что такой заплыв грозит судорогами, остановкой сердца и дыхания, потерей координации... Но там хотя бы была вероятность выжить. А рядом с Дьяром – никаких «может быть», одни стопроцентные гарантии.

– Прыгаем на счет три? – подойдя к самому краю, не оборачиваясь, произнесла я.

Вместо ответа враг Тигиан, а ныне – мой, встал рядом и начал отсчет:

– Раз. Два. Три... – Наши ноги синхронно оттолкнулись от берега.

Миг полета, и быстрое течение подхватило нас, щепками

помчав в самую стремнину. Тело моментально заledenело. Я смогла лишь вынырнуть, жадно схватив ртом воздух, как меня поволокло на глубину.

Скованную руку дёрнуло. Рывок вверх – и я смогла ухватить еще один глоток кислорода, увидев впереди широкую спину напарника. Он греб одной рукой поперёк течения, таща меня буквально на буксире.

Скованная рука не позволяла мне нормально грести и выворачивала тело боком. Отчего я увидела, как выше по течению на нас несется вывернутый вместе с комлем ствол.

– Берегись! – крикнула я, взамен нахлебавшись воды.

Дьяр обернулся за несколько секунд до того, как бревно поравнялось с нами, и приказал:

– Ныряем!

Я ушла вниз легко и быстро, в лучших традициях стиля «топорик». Напарник вроде бы тоже, но... я почувствовала, как цепь дернуло. А потом еще и еще несколько раз. Причем вбок.

Горло ожгло, грудь сдавило, а перед глазами и вовсе почернело. Хотелось сделать вдох. Дико. Неимоверно. И даже понимание того, что вокруг вода и я захлебнусь, не останавливало. Я что есть сил заработала ногами и свободной рукой, стремясь вверх и...

Вынырнула. А по ощущениям – пробила стеклянный потолок. И через несколько секунд над водой появилась и темная, облепленная черными волосами макушка. Дьяр посмот-

рел на меня, убеждаясь, что я жива, и погреб в сторону берега.

На берег мы не выбрались – выползли.

– Ты жива? – спросил, отдышавшись, Дьяр.

– Нет. Отстань. Не мешай мне разлагаться, – ответила я устало и только тут поняла, КАК он ко мне обратился. Глядя в лазоревое утреннее небо, я спросила: – Давно догадался?

– Еще в дилижансе, – хмыкнул голос рядом со мной.

Я повернула голову и увидела, что в полуметре от меня точно так же на спине лежит Дьяр, повернув голову в мою сторону.

Мы были психами, сумевшими выжить вопреки всему. В этот момент я забыла, что передо мной враг. Я просто радовалась тому, что дышу, что живая.

Наши взгляды встретились.

Двое незнакомцев. Секунда, превратившаяся в вечность. Мы лежали и смотрели друг на друга. И казалось, что в этот миг все иные реальности и миры, галактики настоящие и рожденные лишь человеческим воображением, которые никогда не будут существовать, закрутились вокруг нас бешеным хороводом. Это было счастье. Шальное и невероятное.

Кто из нас рассмеялся первым? Не знаю. Да и так ли это важно? Мы лежали и хохотали. Продрогшие, мокрые до нитки. Встречали рассвет, лежа на острых камнях, и были счастливы, забыв себя. И этот смех лучше любых доводов разума убеждал нас: мы сумели, справились, победили.

Солнце поднималось, цепляясь лучами за пышные колючие лапы елей, ветви сосен. Оно плыло по небу неспешно, словно пересчитывая отару облаков. А мы вдыхали полной грудью свободу.

Понимание, кто мы, где и насколько я близка к смерти даже сейчас, выбравшись из водоворота, обрушилось как волна цунами, накрыв с головой. Ничего не изменилось. Я в теле той, кто должна дать показания против беглого преступника. Правда, и сама теперь вне закона...

Дьяр поднялся, опираясь лишь на одну руку. И хоть он был ко мне боком, все равно старался отвернуться еще сильнее. Я заметила, как он при этом сжимал зубы, и невольно особым врачебным тоном спросила:

– Где болит?

– Кажется, плечо вывихнул, когда бревном приложило, – нехотя ответил Дьяр. – Сейчас вправлю.

И произнес он это спокойно, буднично. Словно до этого и вправду не раз вставлял выпавшую из суставной сумки головку кости. Хотя... может, действительно вправлял. Вот только навряд ли себе. Потому как уж очень это неудобно. Это с лодыжкой или запястьем можно рискнуть, но не с плечом.

– Давай я, – предложила, потому что не могла иначе. Несмотря на то, что он мой смертельный враг. Потому что врача не может исправить даже могила, ибо это не профессия, а призвание души. И я понимала: хоть в том мире, хоть

в этом, в какой бы дом я ни вошла, я войду туда для пользы больного.

Не дожидаясь ответа, присела рядом с насторожившимся напарником.

– Ты же говорила на суде, что поцелованная смертью, а не целитель, – прищурился Дьяр, уверенно добавив: – Я помню.

– И как это связано? – ответила я вопросом на вопрос, потому как ну очень смутно представляла, о чем он.

– Ты маг смерти, некромант, – припечатал Дьяр. – Ты не можешь исцелять.

– Кто тебе такую глупость сказал? – удивилась я, имея в виду лечебный процесс.

Но Дьяр понял иначе:

– Ты сама же утверждала, что Смерть видишь. И артефакт Истины это подтвердил. А узреть Привратницу жизни могут только некроманты. – Взглядом Дьяра можно было заморозить воду. Много воды. Например, мировой океан или что побольше.

– Слушай, я не вникала в эту вашу магию-шмагию. Зато точно могу сказать, что если вывих не вправить, то в результате воспалительной реакции возникнет отек. Плазма и жидкость из сосудистого русла начнут проникать в межклеточное пространство, может возникнуть сдавление подмышечной вены, пастозность...

– Это ты сейчас так выругалась? – перебил Дьяр.

– Нет! – тоном «больной, не мешайте своему счастью ис-

целения, пока оно не превратилось в веселую поминальную вечеринку» отчеканила я. А потом, аккуратно, но крепко захватив выступ уплощенного сустава, приказала: – Локоть согни!

И едва Дьяр это сделал, как начала возвращать кость на место.

– С-с-адистка, – с чувством прошипел напарник.

– Врач, – поправила я, закончив.

– Иногда это одно и то же. – Он повел плечом, проверяя его подвижность. И неожиданно для меня добавил: – Спасибо!

Его рука потянулась, чтобы коснуться моего лица. Я инстинктивно отшатнулась, резко откинув голову, и... именно в этот момент моя импровизированная намокшая чалма начала медленно сползать. Я не успела ее подхватить.

– Все-таки не показалось... – Взгляд, которым Дьяр посмотрел на меня, без слов говорил: сегодня в горной реке все-таки будет утопленник.

Глава 3

Напарничек просто наплюет на то, что в случае моей кончины ему придется тащить на себе труп врага: как говорится, своя вендетта не тяготит.

– Убьешь?

Вскинув голову, я посмотрела Дьяру прямо в глаза. Мне осточертело бежать и бояться. Существует предел страху, после которого нервы сдают. И ты начинаешь действовать вопреки логике, приличиям, здравому смыслу, что вопит тебе благим матом: «Вика! Нужно соврать, извернуться, постараться разубедить...»

Вот и у меня случилось именно так. Я устала настолько, что решила: настало время встретиться с доставшимся от Тигиан наследием. Не эфемерным, а вполне реальным, с темно-синими глазами, в радужке которых я только сейчас заметила несколько янтарных крапинок, со следом от шрама рядом с виском, с короткой щетиной.

Мне показалось, что воздух вдруг уплотнился, став словно камень. Я не могла вдохнуть, а внутри словно до предела натянулась струна. Казалось, что в этот миг я и напряжение – это одно и то же, что по нервам дали сразу разряд в триста восемьдесят вольт и мой мозг сейчас сгорит, как чертов жесткий диск у компьютера.

Я уже готовилась услышать это краткое «да» и броситься

в бой. Сражаться с булыжником в руках. Не думая о том, что будет дальше. Если я одержу победу. Если проиграю.

Дьяр сжал кулаки так, что его костяшки побелели, да и все тело напряглось, готовое для стремительного броска... Я ощущала это. Как и то, что еще мгновение – и мы оба либо свихнемся, либо бросимся друг на друга, чтобы задушить, выцарапать глаза, вцепиться. Мстя. Сражаясь за жизнь.

Он тяжело и болезненно, борясь с собой, выдохнул:

– Я ненавижу тебя, Тигиан Уикроу, лживую, двуличную сволочь, которая, прикрываясь добродетельной невинностью, не побоялась артефакта истины, решившись солгать в имперском суде. Но отправить к Хель единственную свидетельницу обвинения, чтобы меня точно сочли преступником, заматающим следы?..

– Тогда зачем ты пытался убить Уикроу накануне? – я сорвалась.

Сжала лежавший рядом со мной булыжник в руке так, что его острые грани наверняка порезали кожу, и подалась вперед. Наши лица оказались рядом. Всего в паре сантиметров друг от друга. Мы делили на двоих один глоток воздуха, один день и одну ненависть.

Прямой, открытый взгляд синих глаз, полный ярости и злобы. Мои глаза, в которых отчаяние и решимость играли в чехарду.

– Накануне я был слегка занят другим. Бежал из тюрьмы, – почти мне в губы иронично выдохнул Дьяр.

– Накануне я умерла, – не отступив ни на миллиметр, эхом отозвалась я. – Официально – это покушение нанятых тобой головорезов.

– Официально? – прищурился Дьяр и добавил, не подозревая, насколько прав: – А если реально? Я не пытался тебя убить. Поэтому вопрос: КТО в действительности на тебя покушался? И как тебе в таком случае удалось выжить? Ты что, свою душу у смерти украла? Ибо сейчас ты живая.

– Да, чтоб тебя! Я живая! Да не та! – отчеканила я.

– Не та? А какая?

– Это сейчас так важно? По-моему, большее значение имеет то, что я потеряла память и быть свидетельницей не могу...

– Судя по тому, где мы встретились, потеряла ты не только память. – Губы Дьяра исказила ухмылка.

– И это говорит тот, кто сам прикинулся пьяным дебоширом в корчме, – не осталась в долгу.

– Самый удобный способ выбраться из города – прикинуться тем, на кого стража и не подумает.

– Виром Безземельным? – припомнила я, оценив уровень наглости напарничка: провести всех столичных гончих, прошмыгнув под самым их носом... Как бы я ни была зла, не могла не восхититься этим гадом.

– Так меня называли до того, как я поступил в Академию темных властелинов.

Я чуть было не ляпнула: что, и на таких тут учат? А Дьяр,

и не подозревая о том, что я думаю, продолжил:

– А вот ты как оказалась среди воров?

– Я тоже... скрывалась.

– И от кого же может так отчаянно прятаться невеста самого кронпринца, что каторга ей милее императорских покоев? – глумливо заметил он.

– От обстоятельств. Но, как оказалось, они решили отправиться следом и напрочь испортить мне эту самую каторгу. – Я тряхнула рукой, и цепь выразительно звякнула.

Этот звук, далеко разнесшийся в хрустальном рассветном воздухе, давно отзвучал. И сейчас шумели лишь бурный горный поток и звонкая трель жаворонка. А мы все так же сидели друг напротив друга. Недвижимыми. Я – пытаюсь осознать услышанное. Дьяр – смирив ярость и гнев, загоня жажду мести в жёсткие тиски логики и расчёта.

Первым нарушил молчание напарник:

– Если ты все еще жаждешь пять лет мыть золото на приисках, то, так и быть, мы можем остаться здесь и подождать гончих. В противном случае советую поторопиться.

– Знаешь, я замерзла и не прочь согреться бегом, – с этими словами поднялась с камней. Дьяр – тоже. Голову невозможно тянуло назад. Кожа под плетением косы дико зудела то ли от грязи, то ли от раствора, которым Тигиан обработали волосы. В общем, я обнаглела окончательно. – Но прежде... Раз уж ты пока меня не убиваешь, то помоги расплести. Нет сил терпеть эту пытку.

И повернулась к врагу спиной, рассудив: если бы он меня хотел придушить, то я была бы уже бездыханной.

— Ну знаешь... — задохнулся от возмущения Дьяр.

Но все-таки помог. И когда тугое плетение перестало стягивать не только кожу на голове, но, казалось, и мысли в черепной коробке, я с облегчением прикрыла глаза и выдохнула.

— Теперь все? — суровый голос вывел меня из состояния эйфории на минималках. А выразительно звякнувшая цепь напомнила: если еще подольше понаслаждаться свободой волос, то они станут еще более свободными и даже независимыми. От тела хозяйки. А все потому, что будут отсечены от тела вместе с головешкой.

— Да, — с готовностью отозвалась я, шустро переплетая пшеничные локоны в длинную, широкую, а главное, нетугую косу. Конец закрепила обрывком ткани, оторванным от низа рубахи. И, перекинув на спину свое кривоватое творение, первой сделала два шага в сторону от ручья. Все это под хмурым и очень выразительным взглядом напарника.

Впрочем, он не заставил себя долго ждать и тут же двинулся следом, а спустя пару минут и вовсе оттеснил меня, начав первым прокладывать путь среди пушистых елей и разлапистых ветвей можжевельника.

Я топала следом, сопя Дьяру практически в его широкую спину и грустно усмехаясь про себя: всегда считала ноги не самым лучшим способом ухода от проблем. Но в данной си-

туации это был единственный способ выжить.

Мы двигались молча сквозь зеленое море тишины и безветрия. Под ногами мягкой подушкой пружинила грибная прель. Перепархивали, чирикаая о своем, непуганные птицы. Ковры нежной низенькой кислицы начали сменяться проплешинами полян с разнотравьем. А красавицы ели – делить солнечный свет с пугливыми осинами, листья которых отзывались дрожью на каждое дуновение ветра, светлыми и умными березами и даже кряжистыми дубами.

Судя по уклону, мы спускались в долину. Солнце припекало все сильнее. Так, что начало даже парить. Одежда на нас не то чтобы высохла совсем, но уж точно не холодила. А вот обувь... Не знаю, как у Дьяра, а мои честно краденные сапоги начали изрядно натирать пятки. Если продолжить в том же духе, то дойдет и до того, что прольется кровь.

А ведь я, сбегая из поместья Уикроу, не только голову обернула крепко-накрепко, но и ноги. Правда, о том, как накручивать портянки, имела весьма смутное представление. Зато о фиксирующих голеностоп повозках – вполне. Потому, на привале присев на валун и сняв с ноги сапог, услышала выразительный свист.

– И кто же тебя, принцесса, учил так подвертки обматывать? – удивления и ехидства в голосе напарничка было поровну. Хотя нет – ехидства все же больше.

– Знаешь, лучше маленькая помощь, чем большое восхищение, – сыронизировала я. Меня задело это его «принцес-

са», сказанное с пренебрежением. Потому снимала сбившуюся повязку, которая была из лоскута двунитки, резкими, чуть рваными движениями.

– На балах ты предпочитала купаться в лучах последнего, – в смысле сказанного Дьяром не было осуждения. Зато его с лихвой хватило в интонации. Она-то и поставила окончательную точку в выражении сути фразы.

– Мы встречались на приемах? – спросила я, прищурившись. Была у меня такая привычка – смотреть вполглаза, как в прицел. Обычно это случалось в те моменты, когда во мне незримый бой вели профессиональный цинизм и вежливость.

Внимательно глянула на небритого, с застрявшим в нечесаной грязной шевелюре хвоинками темного властелина, грозного Дьярвира Йорана. Представить его на светском рауте было проблематично. А вот в развеселой корчме...

– А ты разве не помнишь? – Он задумчиво посмотрел на меня, словно прикидывая: это я так талантливо притворяюсь или у меня действительно случился приступ девичьего склероза?

– Я же говорю, что НИЧЕГО не помню, – отчеканила я, вздернув подбородок.

С учетом того, что я сидела и была ниже Дьяра, жест вышел так себе.

– И тем не менее отлично вправляешь суставы и перевязываешь растяжения. – Он выразительно кивнул на мою ло-

дыжку.

Крыть было нечем. Вот ведь... Дьяв... Дьяр! Паразит, одним словом.

– Слушай, тебя не учили, что воспитанный мужчина никогда не сделает замечания женщине, даже если она неправильно тащит труп к обрыву? – подпустила я шпильку. – Что, не мог сделать вид, что ничего не заметил?

– Извини, но я ни разу не благородный. И даже титул, пожалованный императором, у меня не наследный. Так что... Я не в курсе этих ваших изысканутых на всю голову этикетов. Поэтому спрошу прямо: как так получилось, что ты утверждаешь о своем беспамятстве и в то же время у тебя навыки, которыми не овладеешь за один день?

От этого вопроса я мысленно застонала: ну почему в моем случае «налаживается» – это не когда в жизни становится относительно хорошо, а исключительно когда в ней происходит полная лажа?

Вот и сегодня: не успела порадоваться если не перемирию, то хотя бы нейтралитету с напарником, как не к месту кое у кого проснулась наблюдательность. И я не знала, как и что нужно было солгать, чтобы выкрутиться.

Выдохнула. Решительность всегда была моим козырем. Но почему-то сейчас она затерялась в колоде. Так что искала я ее добрых полминуты. И все же с трудом, но нашла:

– Я обманула Смерть. Вернее, моя душа. Из другого мира. Я просто не хотела умирать и... заняла тело той, которая

его покинула, — отозвалась, прекрасно понимая, что сказать правду — просто. Но именно после признания начнутся мои главные проблемы.

Сказала! Я все-таки это сказала! Хотя прекрасно отдавала себе отчет: я нужна Дьяру живой, лишь пока я — Тигиан Уикроу, а не Вика Туманова. Тигиан, а не я его оправдательный приговор. Но я все равно хотела жить. Упрямо. Отчаянно. Потому, сжав кулаки и глядя глаза в глаза напарнику, добавила:

— И я предлагаю сделку: я помогу тебя в суде, а ты мне — освоиться в этом мире. — И протянула руку.

Как равная равному. И плевать, что я сидела лишь в одном сапоге, в то время как портянка на второй ноге была наполовину разбинтована, из мха вокруг тянуло сыростью, да и вообще все вокруг не располагало к дипломатическим переговорам на высшем уровне. Для меня главным было лишь одно: пожмет мне сейчас руку напарник или нет.

— А тебя не волнует, вдруг я и вправду преступник?

— А это так? — задала я встречный вопрос, не отдернув руки, не показав, что сомневаюсь в Дьяре, и все так же глядя глаза в глаза. Потому как они, немые, часто бывали красноречивее любых слов.

— Не стоит верить всей правде, которую говорят обо мне, — усмехнулся напарник и все же протянул мне руку.

Я же, пожимая мозолистую ладонь, ответила словами знакомого врача из военкомата:

– Не переживай, я больше на анализы полагаюсь, чем на слова.

Судя по тому, как на меня посмотрел Дьяр, мы подумали о разном. Я о заборе крови, он – об анализе ситуации. И мне как-то не захотелось его разубеждать. Пусть в глазах напарника я хотя бы чуточку побуду умной, а не только везучей.

– Договорились, – серьезно отозвался напарник и, когда мы опустили руки, предложил: – Давай нормально оберну ногу. Твой вариант, конечно, тоже ничего, но все же лучше, чтобы ткань скрывала не половину ступни, а всю. И пальцы тоже были закрыты.

Я не имела ничего против.

Ровно до того момента, как Дьяр взял мою ногу в свои руки. И тут в голову полезли идиотские и исключительно женские мысли: что ступня грязная, портянка пахнет не фиалками, край штанины обремененный и заляпан глиной... Как будто для меня имело значение, что обо мне подумает напарник!

А он меж тем склонился. Прикосновение кожи к коже. Стопа оказалась гораздо чувствительнее руки, остро ощущая мужские пальцы, шершавые, чуть загрубевшие, теплые, которые заботливо разбинтовывали ткань. И я порадовалась, что Дьяр не увидел моего смущения. Хотя ну с чего бы ему возникнуть? Я же сама тысячи раз делала перевязки, но тут...

Может, оттого, что этот мир – магический? И во всем

тут есть волшебство? И даже прикосновения здесь – магия, которая делает людей ближе? Иначе почему мне захотелось узнать, каковы на ощупь смоляные волосы на склонившейся макушке?

Словно подслушав мои мысли, Дьяр резко поднял голову. Его руки замерли. Он посмотрел на меня так, как порою и впервые не глядят. Синий штормовой океан поглотил мой взгляд. А я лишь вскинула ресницы и сидела, не в силах пошевелиться, словно выпитая до дна, выжженная дотла. Показалось: еще немного – и потечет моя душа в его. А может, и наоборот.

– Чуить-чуить, – резкий птичий свист разрезал на осколки звенящую тишину. Словно лопнули стенки мыльного пузыря, отделявшего нас от всех звуков мира, и даже солнце стало будто бы ярче, и запахи – острее.

Дьяр встряхнулся псом, вылезшим на берег из воды, сжал губы, словно злясь на самого себя, и произнес то, чего я совершенно не ожидала:

– Ты, похоже, и вправду не Уикроу... – его голос прозвучал хрипло.

– Почему? – невольно вырвалось у меня. А в мозгу меж тем словно включился метроном, отщелкивая слоги: те-бе-не-ве-ят-те-бя-про-ве-ря-ют...

– Истинная Уикроу никогда не опустилась бы до сделки с полукровкой... – Он на миг замолчал и спустя пару секунд добавил: – Но главное – ты смотришь иначе. Без надменно-

сти. И это плохо. Очень.

Я совершенно не поняла мужской логики.

– Чем?

– Тем, что ты должна быть Тигиан. Спесивой, но умеющей в нужный момент сдержаться. Невестой кронпринца. Который, к слову, и выбрал тебя только потому, что ты достаточно глупа, чтобы плести собственные интриги, и достаточно умна, чтобы не лезть в чужие. Вот такой ты должна быть. Для всех и каждого. Но тебя выдает взгляд. Не поведение и манеры, которым можно научиться, а то, как ты смотришь. И даже если ты каждому предъявишь свою родовую вязь, – он кивнул на мое запястье, – те, кто знают крауфиню Уикроу, тебе не поверят. Так что первый совет как делового партнера: постарайся сыграть эту роль. Я знаю, ты сможешь.

Про себя фыркнула: взгляд ему мой не нравится! Или... его раздражала не я сама, а его собственная реакция?

– Откуда такая уверенность? – усомнилась я.

– Как дурочка, точнее простачок, ты безупречна, – вспомнил Дьяр. – В суде я стоял рядом с тобой и мог убедиться: лицедействуешь ты отменно.

– Жить захочешь – и из собственного гроба выскочишь, – возмутилась я такому сомнительному комплименту.

– Обычно выскочивших из гроба в этом мире пытаются поскорее уложить туда обратно, – заметил Дьяр и прозорливо предположил: – Но если ты так говоришь... Наверное, в твоём мире нет некромантов.

– У нас их с успехом заменяют реаниматологи.

– Они тоже поднимают мертвых с погоста? – заинтересовался Дьяр.

– Скорее не дают им туда лечь, чем, как недавно выяснилось, жутко портят статистику Смерти.

– Знаешь, открою секрет: больше всего статистику госпоже Хель портят фениксы, которые возрождаются в самый неподходящий момент, – усмехнулся Дьяр, возвращаясь к портянкам, или обверткам, как он их назвал, закончив за каких-то полминуты бинтовать обе ноги. Я едва успела разглядеть, как идет лента, чтобы запомнить на будущее. – Вот и все.

– Спасибо, – сказала я, натягивая сапоги.

– Ты помогла мне с плечом, так что... – он не договорил, оборвав сам себя. А затем резко вскинул голову, что-то увидев в небе, и... меня буквально впечатало в ствол дуба, чья развесистая крона почти не пропускала солнечных лучей.

– Эй!

– Тише! – шикнул напарник. – Небесные странники.

И только тут я увидела, как по небу стремительно плывет... дирижабль. Только вместо баллона в его сети, потрескивающей от разрядов черных силовых нитей, были... души. Именно они-то и гнали меж безветренных облаков судно.

– Это...

– Ищут беглецов. Видишь, у флагмана знак гончих. Это за нами. Значит, скоро и погонщики драконов подтянутся.

Вроде не было ничего такого в плывущем по лазурному небу дирижабле, но меня прошиб холодный пот. Страх залез под кожу, опутав своими склизкими ледяными щупальцами. Может, потому, что я вдруг резко осознала: если нас найдут, поймают, то Хель таки получит свой отпуск!

На этот раз мне будет не выкрутиться, не улизнуть. И мой гроб, который еще шумит ветвями, возможно, так и останется в лесу. Потому как сомневаюсь, чтобы для висельников гробовщики мастерили домовину.

Дьяр накрыл меня собой, словно это могло лучше помочь нам спрятаться. По земле гигантскими змеями ползли нити поисковых заклинаний. Я замерла. Кажется, сердце перестало биться в тот момент, когда одно из магических плетений прошло совсем рядом, лишь боком задев крону дуба.

И от страха, едва ловчее заклинание отползло, с языка сорвался самый идиотский из вопросов:

– Погонщики драконов? Тут еще и драконы есть?

А потом мой мозг с профдеформацией, не иначе как окончательно двинувшись от всего, машинально отметил: наверняка этим огнедышащим ящерицам не страшна никакая ангина, да и мазок ПЦР брать без надобности. С их-то уровнем термостерилизации глотки.

Дьяр же, не подозревая о моих нажористых тараканах в голове, только что учинивших бунт, ответил:

– А почему им не быть? Их ловят в скалистых горах и объезжают. Норовистые твари... – судя по тому, с какой ин-

тонацией он сказал последнюю фразу, тут не обошлось без личного опыта.

Так мы и стояли, прижавшись друг к другу и напряжённо глядя в небо, где меж облаков прочь от нас уплывал поисковый дирижабль. И вроде бы можно было уже отстраниться, но Дьяр все медлил.

И все же наконец сделал шаг назад со словами:

– В лесу мы не сможем долго скрываться. Надо к людям. Избавиться от оков из мьельха и постараться затеряться.

Это позже я узнала о том, что этот самый мьельх – металл, способный дестабилизировать магические потоки так, что чародей не мог воспользоваться собственным даром. Если руки были скованы меж собой, то энергия циркулировала через тело мага и кандалы с такой скоростью, что ее просто нельзя было выпепить. В нашем же с Дьяром случае сила из-за незамкнутого контура мьельха притягивала нас друг к другу, как магнит. Вот только была особенность: пока оба мага живы, дар не может покинуть их тело окончательно. Но стоит одному умереть, и дар оставшегося в живых перетечет в уже мертвое тело по принципу большей пустоты.

А пока же меня больше интересовал вопрос: как выйти к этим самым добрым людям, чтоб потом живыми, а не по частям от них же и уйти? Сдается мне, в здешних землях нет хорошего и гуманного обычая встречать беглых преступников с хлебом-солью. А все потому, что последние в одностволки (или что тут у них вместо них?) не впихнешь.

Потому скорее уж нас ждет теплый прием из ярко пылающих факелов и радушно предложенных столовых приборов. Таких больших вилок. Тольковил.

И как нам в таких условиях освободиться от оков? Подозреваю, что вернуть полную свободу будет не легче, чем налоговый вычет.

Эти мысли я и озвучила, правда, немного в другой формулировке. На что услышала лаконичное:

– Придем – разберемся.

Я философски пожала плечами, поделив обязанности: я приду, а разбирается пусть напарник. Он и сильнее, и умнее, в смысле, ориентируется в этом мире куда лучше меня, а главное – удар у него наверняка поставлен...

Впрочем, времени решила не терять и начала расспрашивать Дьяра о мире, в который попала, в целом и о Тигиан в частности.

Напарничек без особой радости пояснил, что с девицей Уикроу сталкивался несколько раз во дворце, куда прибывал по долгу службы, вызванный императором. Но за эти краткие встречи успел понять, что крауфиня была воспитана в лучших традициях чистоты крови и смесков презирала. Хотя в лицо этого Дьяру и не говорила.

– Из вежливости? – Я скосила взгляд на сокандальника.

– Скорее из страха, – жестко усмехнулся он, а потом рассказал о подводных камнях местного законодательства и суровой правде жизни.

В империи официально все расы были равны, но люди, как самые многочисленные, – всех равнее. Так, если ты чистокровный эльф, цверг, феникс, оборотень или вампир, то ты должен платить в имперскую казну дополнительные налоги. Обучение будет стоить дороже, а вот презрения отгрозят с лихвой и бесплатно. Потому те же дриады или оборотни старались держаться диаспорами. И в стольной Эйссе были даже целые кварталы: орочий, оборотный, троллий...

– Ты сказал, что полукровка, – удивилась я. – Но выглядишь совершенно обычным. Ни острых эльфийских ушей, ни повышенной гномьей бородатости, ни хвоста... – Я выразительно глянула на пятую точку напарника.

– Я на четверть демон. Хотя по силе дара – полноценный.

– А сила дара зависит от расы? – догадалась я.

– Не обязательно. Но чаще всего максимально высокий уровень владения стихией огня у чистокровных фениксов, воды – у русалов, эльфы – лучшие телепаты и чтецы душ.

– А демоны? – я не дала Дьяру увести меня от темы.

– Из демонов нередко выходят неплохие маги тьмы.

– Это темные властелины, что ли? – Я припомнила статью в газете.

– Маги тьмы – это те, кто способен бороться с тварями из черных зон. Я имею в виду успешно бороться и при этом не сдохнуть в первой же битве, – усмехнулся Дьяр, видимо припомнив что-то. – Если при этом удаётся освободить от нечисти приличную территорию, то она и отходит тому магу,

который ее расчистил. Тогда он и становится темным властелином. Или, по-другому, темным владельцем земель.

– А откуда вообще эти черные пятна, в смысле зоны, взялись? И чем так опасны?

Ну, Дьяр меня, дремучую, и просветил, что раньше, на заре магической науки, когда люди и нелюди еще только учились брать под контроль чародейский дар, тот иногда оказывался сильнее, чем его носитель. И мог свести своего хозяина с ума.

К слову, поэтому раньше даже было правило: тот, кто вставал во главе рода, отрекался от дара. Ибо власть не должна принадлежать возможному будущему безумцу. Одна из немногих великих семей, где еще существовал этот обычай, – Вердэны. Но и то пару лет назад Дэниэль Вердэн – один из завиднейших холостяков империи – не только умудрился взять в жены не богатую высокородную невесту, а провинциалку, бесприданницу и жнеца смерти Рейнару Эрлис, но и сохранить свою магию, возглавив род.

Сейчас же лишь император, восходя на трон, выжигал свой дар, вливая его весь в древний артефакт. Потому как монарху нужен чистый разум. А сила крови слишком велика. А значит, велико и искушение окунуться в безумие.

А в древности свихнувшиеся чародеи с гораздо меньшей силой дара, чем у нынешнего императора, в порыве умопомешательства порою разом выплёскивали всю собственную силу и умирали. И вокруг них образовывалась черная зона.

Как я поняла, что-то вроде мини-Чернобыля. Только вместо радиации – магия, которая вызывала мутации у всего живого. А порой – и мертвого, поднимая из могил умертвий и оживляя даже скелеты драконов.

Со временем магия рассеивалась, но твари-то, населявшие эту территорию, оставались. Порой уникальные. Причем настолько, что отбитые на всю голову местные а-ля гринписовцы даже ратовали за занесение таких экземпляров в Красн... тьфу, Черную книгу редких и исчезающих видов.

Дьяр даже припомнил случай из студенческой бытности: – Как-то дошло до того, что на практику к Ивару Си-небородому, моему преподавателю по атакующим чарам, напросился один такой наблюдатель-нежитезащитник. Дескать, чтобы адепты не нанесли непоправимый урон исчезающим видам. И, напирая на закон, он заставил нас захватить на практику в Кошинские леса, которые кишели изменёнными тварями, здоровенные учебники по нежитеведению. И, прежде чем бить пульсаром или шквалом черного огня, настаивал, чтобы мы открывали учебники и смотрели, не реликтовая ли гадина.

Представила себе картину: адепт, у которого в одной руке Черная книга, во второй – фаербол, с зажатым меж ног мечом вопрошает вылезшую из чащи тварь, охраняемая ли она. Воображение столь ярко нарисовало образ, что я прыснула.

– И как? Вы сверялись со списком? – отсмеявшись, уточнила я.

– Да! – гордо отозвался напарник. – Целых двадцать вздохов! Пока по опушке чащи шли. А потом на этого ратующего за права нежити выскочила дюже редкая гадина из семейства архайд рода чаропрядов с намерением подзакусить, – он произнес эти систематические единицы классификации со столь точной профессорской интонацией, что я на миг даже почувствовала себя на лекции. И еле сдержала улыбку. А Дьяр продолжил: – В итоге смотрящий так орал, чтобы его спасли... Мы на всякий случай даже три раза переспросили нежитезащитника, можно ли грохнуть столь ценный экземпляр?... Зато после больше такие проверяющие на практику к нам, adeptам темного крыла академии, не напрашивались. Исключительно к светлым. Иллюзорная магия и целительство, они побезопаснее будут. И плевать, что из редчайших мифических существ там только выпавшиеся во время сессии студиязусы.

Тут уж фыркнула я, припомнив свою интернатуру. И поведала Дьяру о коварстве милых на вид бабушек – божьих одуванчиков, которым даже гугла не надо, чтоб диагноз себе поставить. «Рубец у меня вспух», – утверждала как-то такая пациентка, тыча себе в поджелудочную. И пить таблетки отказывалась, требуя назначить капли зеленена и настойку подорожника.

Или дитяtko двадцати пяти лет от роду, которое заявилось в десять вечера в отделение неотложки с фурункулом на носу, что был размером со сливу. Но ладно бы это. Так

он прибыл с мамашей, которая одна может взять штурмом Генуэзскую крепость, протаранить ворота, разнести барбакан, проделать в стене вентиляционное отверстие размером со слона и не заметить этого. А все потому, что сыночке плохо. А дите само к врачу раньше не могло прийти, ибо матушку с работы ждало. И вот смотришь на такого «мальчика» и даже не сомневаешься: его не произвели на свет родители, а нашли. В капусте. Поздней осенью. Да к тому же и с отмо-роженными мозгами.

А матушка меж тем бушует, ругается, грозитя президенту написать, если кровиночке срочно не помогут, и... тут же оспаривает любой вариант лечения, из-за чего так и хочется вручить ей в руки ланцет со скальпелем и ватный тампон со словами: я уверена, вы справитесь лучше!

А ведь бывали еще и экстренные случаи, когда совсем не до смеха...

Дьяр на это заметил, что в этом мире целители не столь щепетильны. Особенно в военных госпиталях. И будешь выдвигаться, оспаривая лечение, тебе предложат самое действенное из лекарств – лопату.

– Чтоб ей корону всяким умникам поправлять? – предположила я.

– Скорее, чтобы о себе, точнее, своем погребении заранее позаботился и могилку выкопал, – просветил Дьяр, добавив: – Обычно после такого назначения даже самые ретивые начинают понимать, кто тут инквизитор, а кто ведьма.

И безропотно соглашаются на любое истязательств... прошу прощения, лечение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.